

Питаваль Э.

В БОРЬБЕ ЗА ТРОН

ЛЮБОВЬ И КОРОНА

Любовь и корона

Эрнест Питайаль
В борьбе за трон

«Алгоритм»

1880

УДК 82/89
ББК 84(4Гер)

Питаваль Э.

В борьбе за трон / Э. Питаваль — «Алгоритм», 1880 — (Любовь и корона)

ISBN 978-5-486-03122-9

Немецкий писатель Эрнест Питаваль (1829–1887) – ярчайший представитель историко-приключенческого жанра; известен как автор одной из самых интересных литературных версий трагической судьбы шотландской королевы Марии Стюарт. Несколько романов о ней, созданные Питавалем без малого полтора века назад, до сих пор читаются с неослабевающим интересом. Публикуемый в данном томе роман «В борьбе за трон» является началом трилогии, в которой описывается жизнь Марии Стюарт со времени ее пребывания во Франции, где она была выдана замуж за дофина Франциска II, до момента его внезапной смерти, которая не только похитила у королевы любимого супруга, но и отдала ее на волю тем бурям, которые с той поры бушевали вокруг ее существования вплоть до рокового дня, когда она, закутанная в белое покрывало, взошла на кровавый помост в Фосерингее.

УДК 82/89
ББК 84(4Гер)

ISBN 978-5-486-03122-9

© Питаваль Э., 1880
© Алгоритм, 1880

Содержание

Глава 1. Бал-маскарад	6
Глава 2. Сэррей и Уорвик	13
Глава 3. Кабачок «Красный Дуглас»	31
Глава 4. Паж	42
Глава 5. Мария лотарингская	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Эрнест Питаваль

В борьбе за трон

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», 2009

* * *

Глава 1. Бал-маскарад

I

Всемогущий министр и любимец короля Генриха VIII, архиепископ Кранмер давал бал-маскарад в своем дворце в Хэмптоне. Обширный парадный зал был задрапирован пурпуровым сукном, галерея для герольдов и музыкантов была увешана богатыми коврами, бесчисленные свечи белого прозрачного воска распространяли дневной свет. Буфетные столы были уставлены бутылками, золотыми бокалами и золотыми блюдами со всевозможными редкими и дорогими кушаньями. Пестрая толпа гостей двигалась взад и вперед; тут стояли группы разговаривающих, там кавалеры пили вино; в уютных уголках беседовали парочки; в смежной комнате, рядом с банкетным залом, был устроен театр, а галерея вела в сад, где под навесом ветвей и среди благоухающих цветов были накрыты столики с драгоценными фруктами и лакомствами.

У входа в эту галерею, в углублении за выдавшейся колонной, стоял высокий, статный мужчина; он скрестил руки на груди и мрачно смотрел на водоворот веселых гостей; но вдруг его глаза оживились, яркая краска ударила в лицо, а рука схватилась за пурпурный занавес, прикрывавший колонну, и он поспешил спрятаться за ним.

К галерее приблизилась дама. Она пробиралась в толпе с такой беспокойной поспешностью и шла такой воздушной поступью, что две другие маски едва успевали следовать за нею. Ее одежда задела мимоходом занавес, скрывавший мрачного мужчину, но даже и при этом не прямом прикосновении он вздрогнул. Дама скрылась со своими провожатыми в галерее, незнакомец же вышел из ниши, чтобы следовать за нею, и дикая страсть загорелась в его взоре. Вдруг он почувствовал прикосновение к своей руке.

– Здравствуйте, лорд Уорвик, – прошептал изящно одетый молодой человек, – на одно слово... Видели вы сейчас молодую особу в белом атласном платье и синей бархатной маске?

– Зачем она понадобилась вам? – мрачно спросил Уорвик, дружески пожимая руку молодого человека.

– Забавный вопрос, милорд! Ведь мы на балу, где молодежь охотится за красотой.

– Сэр Генри, эта добыча не для вас.

– Неужели вы, лорд Уорвик, являетесь моим соперником в уходе за этой красавицей? Она в галерее. Вы, кажется, хотели последовать за нею?..

При этом говоривший – граф Сэррей – сделал вид, что направляется в галерею.

Однако лорд Уорвик схватил его руку с железной силой и с такой порывистой резкостью, что Сэррей поднял свой взор, точно желая потребовать у лорда объяснения его странного поступка.

– Сэррей, – дрожащим голосом прошептал Уорвик, – я люблю вас как родного сына. Не следуйте за нею, говорю вам; тот, кто последует за этой дамой, может поплатиться головой за свою опрометчивость. Влюбитесь в иной прекрасный образ и поспешите забыть тень, за которой я гоняюсь.

– Милорд, если вам угрожает опасность, то я не отстану от вас. Сын Чарлза Говарда держит сторону Уорвиков. Разве я ребенок, что вы гоните меня, как будто я рискую обжечь здесь пальцы?

Между тем Уорвик становился все нетерпеливее.

– Делайте тогда что угодно, – с досадой прошептал он, – оставайтесь только при мне и молчите, если вам сколько-нибудь дорога жизнь.

С этими словами лорд Уорвик вступил в галерею, поспешно прошел по ней и остановился на один момент у выхода, точно размышляя, куда направить свои шаги. Его темные глаза как будто имели свойство пронизывать мрак неосвещенных частей сада, потому что он внезапно взял свою шпагу под мышку, чтобы та не стучала по земле, поспешно направился к длинной аллее высоких вязов и стал украдкой пробираться там от дерева к дереву, избегая выступать из тени на свет.

Граф Сэррей следовал за ним. Сэр Генри Говард, граф Сэррей, английский Петрарка, был готов везде подозревать романическое приключение, а тут, конечно, творилось нечто необычайное, полное захватывающего интереса, если гордый, мрачный лорд Уорвик крался по саду, как вор, и предостерег его относительно того, что в этом деле человек рискует собственной головой.

Между тем Уорвик повернул к чаще кустарника и осторожно забрался в нее; заметив, что Сэррей последовал за ним, он стиснул его руку и подал знак молчания.

Сэррей видел, что рука лорда дрожала, и когда его взоры последовали за пламенным взором Уорвика, то он различил белое платье, видневшееся сквозь сеть ветвей.

Место, где они притаились, было крайне уединенно, и Сэррей не мог сомневаться, что лорд подслушивает тайны людей, пришедших на условленное свидание. Но его удивляло, почему этот гордый, пылкий и смелый человек ограничивался осторожным подслушиванием, вместо того чтобы тут же вызвать соперника на поединок.

Так прошло около четверти часа, после чего стали приближаться шаги с той стороны, где Сэррей заметил белое платье. Однако оно оставалось неподвижным.

Шаги приблизились. Сэррей услышал тихий шепот, а затем в кустарнике также произошло движение. Влюбленная парочка подошла настолько близко к притаившимся мужчинам, что Сэррей мог теперь разобрать слова и узнать голос.

– Милая Джейн, – произнес мужской голос, – ты говоришь, что Анна разлюбила меня? Это как раз то же самое, что нашептывала мне Анна для того, чтобы я оттолкнул от себя Екатерину.

Сэррей вздрогнул: голос, произнесший эти слова, принадлежал королю Генриху VIII.

– Сэр, – послышался ответный шепот, – Анна любит другого, я знаю это.

– Это ложь! – раздалось из кустарника.

Парочка в испуге разъединилась, и в тот же момент, пылая волнением, бешенством и негодованием, Анна Болейн, королева Англии, предстала перед своим супругом и опять воскликнула:

– Это ложь, Генрих!.. О боже мой, чем заслужила я это от тебя!

– Миледи, – возразил король, – вы подслушиваете маскарадную шутку; это недостойно вас.

– Генрих, это больше, чем маскарадная шутка, это измена... Мой супруг бесчестит себя с одной из моих служанок! Я требую, чтобы Джейн Сеймур немедленно оставила двор...

– Довольно, миледи! – резким, угрожающим тоном перебил супругу король. – Так смела говорить Екатерина Арагонская, а не вы. А так как вы вздумали разоблачать короля, – тут Генрих VIII откинул плащ пилигрима и снял с головы шляпу, широкие поля которой скрывали его лицо, – то вы найдете и судью, который расследует обвинение против вас, заявленное леди Сеймур.

С этими словами он подал руку своей любовнице, и тихий, ликующий смех Иоанны Сеймур возвестил оскорбленной королеве торжество победы.

Анна Болейн чувствовала, что колени под ней подгибаются, и смотрела неподвижным взором вслед удалявшейся паре.

– Мечь Екатерины начинается! – пробормотала она, содрогаясь и трепеща словно от какого-то ужасного предчувствия.

Тут Уорвик вышел из кустов.

Королева встрепенулась, заслышав шаги.

– Я погибла, Норфолк, – тихо промолвила она, не поднимая взора, – погибла, как некогда Екатерина Арагонская.

– Удостойте взглянуть на меня, миледи! – сказал лорд. – Норфолк и Гарри убежали; перед вами граф Уорвик.

– Уорвик? – страдальческим тоном презрительно вскрикнула несчастная королева и отшатнулась, содрогнувшись, точно при виде призрака. – Это Божье мщение...

– Скажите лучше: Божья кара, леди Болейн! – возразил мрачный человек, после чего низко поклонился и поспешил обратно в кусты, так как от дворца бежали слуги с факелами. – Прочь отсюда, – шепнул Уорвик графу Сэррею, – сад будут обыскивать.

– Королева близка к обмороку... смотрите, она шатается, мы должны помочь ей, – воскликнул граф.

Уорвик снова удержал Сэррея железной рукой и прошептал:

– Вы, видно, захотели угодить в Тауэр? Желаете, должно быть, чтобы вас обвинили в любовной связи с королевой? Королю только этого и нужно.

Говоря таким образом, Уорвик тащил Сэррея к выходу из парка.

Едва успели они выйти из решетчатых ворот и скрыться в соседней улице, как затрубили в рог.

– Это сигнал запирать ворота парка! – с мрачной улыбкой произнес Уорвик. – Теперь Анне несдобровать!

Сэррей содрогнулся от этого тона непримиримой ненависти; его сердце было полно сострадания к прекрасной королеве, так глубоко униженной. Лишь час назад в блеске праздника его очаровала ее великолепная внешность; он был готов в глубоком почтении склониться перед нею на колени, когда узнал, что эта дивная голова носит корону Англии, теперь же восхитительная красавица превратилась в обиженную, жестоко оскорбленную женщину, а защитить ее было бы государственным преступлением!

– Правда ли, что она обманывала короля? – спросил Сэррей. – Милорд, кажется, вы питаете к королеве личную ненависть. Но если она провинилась, то ей можно простить...

– Судьба карает ее по заслугам! – возразил Уорвик. – Разве во Франции, при веселом дворе Франциска Первого, вам не рассказывали, из-за чего Генрих Восьмой оттолкнул от себя Екатерину Арагонскую и вступил в пререкания с церковью?

– Нет, милорд; там полагают, что несговорчивость Папы, когда Генрих потребовал себе развода, подстрекнула короля поставить на своем, между тем как при иных условиях он, пожалуй, примирился бы со своей супругой. Вдобавок его мучили угрызения совести. Екатерина была вдовой его родного брата, и церковь называла этот брак кровосмешением.

Лорд Уорвик горько рассмеялся и воскликнул:

– Генрих Восьмой и угрызения совести! Не сопоставляйте эти неподходящие слов. Грубая чувственность и кровожадность – вот преобладающие страсти этого глупого современного Калигулы, которые требуют удовлетворения и смеются над всеми препятствиями, наглейшим образом издеваясь над чувством справедливости, когда им оказывают сопротивление. Вы жили во Франции, Сэррей, сочиняли там стихи и учились изящным танцам, но слышали, конечно, между прочим, про то, что Генрих Восьмой, король Англии, вел ученый спор с церковью. По вашим словам, честолюбие и гордость побудили короля не уступать и пренебречь папским проклятием. Ну да, весь свет морочили этими выдумками!.. Ведь король Генрих также соблюдает отчасти приличия, придерживается известных формальностей... И я бьюсь об заклад, что в настоящее время Анна Болейн услышит весьма ученые доводы, по которым для блага Англии необходимо, чтобы Генрих Восьмой возвел ее бывшую горничную в сан английской королевы.

– Вы бредите, милорд! В сан королевы? Ваша ненависть ослепляет вас. Генрих может изменить своей супруге. Ведь он – король, и никто не вправе помешать ему в том или вступить за обиженную. Но едва ли он рискнет надругаться таким образом над всякою нравственностью, над всяким правом и общественным мнением.

– Генрих рискнет чем угодно; ведь Джейн Сеймур дала клятву, что он не воспользуется от нее ничем, пока не возведет ее на английский трон.

– Это невозможно, милорд! Помните, ведь Анна Болейн – законная жена короля. Он пошел наперекор церкви и расторг свой брак с Екатериной, чтобы вступить в супружество с Анной Болейн, и вдруг он осмелится вторично насмеяться над священным таинством!.. Милорд, вы ослеплены ненавистью!

– Сэррей, я намерен рассказать вам одну историю. Сегодня вы бежали вдогонку за красавицей Анной. Вы не подозревали, что она – королева Англии и замужняя женщина. Сцена в саду, свидетелем которой вы сделали, возмутила вас, и вы, как дворянин, были готовы пролить свою кровь, защищая право Анны Болейн?

– Вы отгадали мои помыслы, милорд. Я не побоялся бы публично заявить и подтвердить виденное мною сегодня, если бы Анне Болейн пришлось невинно пострадать.

– Хорошо, вот из-за этого именно и намерен я рассказать вам одну историю. Некогда я увидел прекрасную, бледную женщину, и мое сердце пленилось ею, как сегодня – ваше. У этой женщины была фрейлина, которую она осыпала благодеяниями и застала однажды на коленях у своего супруга, осыпавшего ее поцелуями. Екатерина Арагонская – так звали ту бледную, болезненную женщину – ограничилась при этом лишь горькими слезами и просьбами. Она также потребовала удаления от двора Анны Болейн, как сегодня Анна Болейн потребовала отставки Джейн Сеймур; но, как сегодня презрительно расхохоталась Джейн Сеймур, так хохотала в то время Анна Болейн, потому что у короля хватило бесстыдства унизить жену перед ее служанкой. Екатерина вынесла незаслуженный позор, но ее слезы вопияли к Небу о мщении, и сегодня пробил час возмездия. Скажите мне теперь, Генри Говард, заслуживает ли Анна Болейн, чтобы дворянин обнажил за нее свой меч?

– Если это правда, милорд, то пусть судит Бог прелюбодейку, а я умолкаю. Но куда же ведете вы меня?.. Мы, кажется, заблудились?

Лорд Уорвик шел по дороге, которая вела к морскому берегу, и Сэррей следовал за ним, не обращая внимания на то, что они отклонялись все дальше от той части города, где находились его собственный дворец и дворец Уорвика.

– Мы нисколько не заблудились, Сэррей, – возразил последний. – Но, пожалуй, вам недосуг?

– Совсем нет, милорд! Однако не могу ли я спросить, куда лежит наш путь?

– Вот к тому домику, где светится угловое окно.

– А кто там живет?

– Увидите сами! – ответил Уорвик. – Но прежде дайте мне окончить мой рассказ... Екатерина Арагонская была, как вам известно, вдовой покойного брата нашего короля; Генриху понадобилось испросить особое разрешение Папы, чтобы жениться на ней. Екатерина была на шесть лет старше его, ее красота увядала, и вот после восемнадцати лет замужества вдруг оказалось, что короля мучат угрызения совести за женитьбу на близкой родственнице. Анна Болейн непременно требовала себе короны! Генрих стал просить Папу о расторжении брачного союза, и когда из Рима пришел отказ в этой просьбе, то он велел одному молодому священнику тайно обвенчать себя с Анной Болейн. Этот молодой священник – тот самый всемогущий теперь вельможа-архиепископ, который угощал нас сегодня в своем дворце, а именно архиепископ Томас Кранмер. В то время в Лондоне жил знаменитый законовед по имени Томас Мор. Его-то и избрал король для ведения бракоразводного процесса с церковью. Он сделал Мора своим канцлером, но добросовестный и неподкупный ученый отозвался о браке короля

с Анной Болейн, как о двоеженстве. Генрих отрешил его от должности, а на его место назначил Кранмера; он объявил, в силу собственной верховной власти, свой брак с Екатериной расторгнутым; когда же церковь ответила на это проклятием и отлучением, то король отложился от нее сам, после чего издал государственный закон, на основании которого назначил самого себя верховным главою англиканской церкви. Парламент открыто принял сторону короля, и Генрих потребовал также и от Томаса Мора присяги, признававшей его верховным главою новой церкви. Анна Болейн поклялась, что этому ученому не быть живым, а услужливые власти сумели поставить заранее обреченному человеку такие вопросы, на которые совесть не позволила ему ответить, как того требовал король. Только этого и было надобно Генриху, только этого и добивалась Анна Болейн. Смертный приговор был произнесен над благородным ученым, как над государственным преступником, и после долгого заточения несчастного присудили к жестокой казни. Было приказано протащить его на веревке по городу к лобному месту, а там повесить на столб и оставить в висячем положении, пока он будет полумертвым, после чего снять еще живым и изувечить, распороть ему живот, выжечь кишки, а тело четвертовать; каждую из этих четырех частей было приказано вывесить на одних из городских ворот Лондона, а голову казненного воткнуть на позорный столб посреди Лондонского моста. Я видел своими глазами, как последнего защитника Екатерины влекли в Тауэр, видел потрясающую сцену прощания с ним его единственной дочери, видел, как народ безмолвно и торжественно обнажал головы, когда он проходил мимо.

– Клянусь честью, милорд, – воскликнул Сэррей, – теперь я понимаю, что вы ненавидите Анну Болейн.

Уорвик промолчал, погруженный в угрюмую задумчивость.

II

Вскоре Уорвик и Сэррей достигли маленького домика, причем первый дернул за ручку звонка. Прошло порядочно времени, пока им отворили; наконец из полуотворенной двери выглянула старушка.

– Ах, это вы, милорд! – радостно воскликнула она, когда узнала Уорвика. – Леди уже отчаивалась увидеть вас сегодня и боялась, не случилось ли с вами какой-либо беды.

– Где же леди?

– В траурной комнате, милорд. Сегодня она не выходила оттуда с полудня. Я отворила бы вам раньше, но я была наверху и стучалась к леди в дверь. В десять часов вечера, не дождавсь вас, она заперлась одна.

Лорд Уорвик стал подниматься по лестнице, пока старуха болтала таким образом. С бьющимся от любопытства сердцем следовал за своим спутником Сэррей. Маленький уединенный домик, довольно бедная обстановка и таинственное поведение лорда, – все это приводило юного поэта в сильнейшее нетерпение узнать, в каких отношениях находился могущественный лорд с обитательницей этого скромного жилища, кто была дама, ожидавшая лорда еще в такой поздний час и позволявшая ему приводить с собою посторонних.

Когда шпоры лорда Уорвика зазвенели по паркету гостиной, внезапно распахнулась дверь и на пороге показалась высокая, стройная фигура женщины в черном траурном платье. Ее лицо носило следы благородной красоты, поблекшей под сокрушающей рукой горя; эти изящные черты были холодны и строги, но глаза вспыхивали мрачным огнем.

– Какую весть приносите вы, милорд? – спросила она, когда знатный гость молча поклонился. – Вы являетесь поздно! Неужели меня обманули? Неужели моя надежда снова оказалась тщетной?

– Леди Мор! – ответил Уорвик. – Екатерина Арагонская отмщена!

Сэррей содрогнулся при этом имени: он видел перед собою дочь казненного ученого и понял теперь все. Это она, подобно призраку мщения, выслеживала короля и доставила Анне Болейн доказательства его измены; это она с Уорвиком устроила так, что Анна застигла сегодня своего супруга врасплох.

Но как внезапно переменилась наружность этой женщины! На щеках у нее заиграл румянец, глаза горели, стан выпрямился, а голос, только что дрожавший от страха, звучал теперь таким тоном, который навсегда запечатлелся в памяти Сэррея; это было похоже на то, как если бы погребальный колокол неожиданно залился ликующим благовестом.

– Мой отец отмщен! – ликовала она, но ее тон был мрачен, резок и вместе с тем торжествен. – Пойдемте, милорд Уорвик, и расскажите о том бедному умершему; пусть он знает, что отмщен. Пусть узнают его остановившиеся стеклянные глаза, его холодные губы, окровавленная седая голова, что на небе есть Бог, который услышал мою молитву. Однако, – спохватилась вдруг молодая женщина, – кто это с вами? Вы не одни?

– Это мой друг, – ответил Уорвик, взяв за руку Сэррея. – Настоящий час должен посвятить его на дальнейшее служение добру. Его зовут Генри Говардом, графом Сэрреем.

– Добро пожаловать! – сказала Маргарита Мор и протянула гостю свою белую, худую руку. – Английский народ распевает ваши песни; пусть в них всегда прославляются только истинно благородные люди!

Сэррей пожал протянутую ему руку, безучастно и холодно лежавшую в его руке, но сделал это с невольным содроганием, потому что до сих пор всегда видел во взоре женщины только рай любви, но ни разу не встречал проклятия смертельной ненависти. Так вот кто подготовил гибель прекрасной королеве!.. Именно эта холодная, бледная женщина! Мщение было справедливо, но ужасно.

Маргарита Мор взяла свечу и пошла впереди своих гостей; все они проследовали в небольшую, обитую черным комнату, у задней стены которой помещался маленький алтарь. Над ним висело Распятие, а на нем стояло серебряное блюдо с отрубленной человеческой головой.

Маргарита преклонила колени. Эта голова, которую она, рискуя собственной жизнью, похитила ночью с позорного столба на Лондонском мосту, собственноручно набальзамировала и непрерывно орошала слезами, была головой ее отца, головой канцлера Томаса Мора, павшей под секирой палача. Как часто молилась она перед этими мертвыми глазами, последний взгляд которых приветствовал ее с нежной любовью! Как жаждало мщения ее сердце и как ликовало оно сегодня, когда была унижена та женщина, которая с сладострастными поцелуями требовала казни ее отца!..

– Теперь я предам тебя земле, – прорыдала любящая дочь, – теперь я могу умереть, потому что сдержала свое слово. Проклятие, произнесенное злополучной Екатериной, исполнилось, и оно будет исполняться на всех, кого любит король Генрих. Да, – воскликнула она, и ее стан выпрямился, а взоры заблестали, как будто вдохновленные неземной силой. Ее черты приняли зловеще-мрачное, но в то же время просветленное выражение, – я вижу кровавую тучу вокруг трона Генриха. Бог возмездия гневно взирает с небес. В Тауэре палачи оттачивают топор, убийственный удар обрушится на голову виновных, и кровь дымится к небу. Но гнев Господень еще не утолен! Проклятие церкви шипит вокруг трона. «Убийство!» – слышится вопль в стенах Тауэра! Граф Сэррей, ваши песни становятся мрачными, и последнюю из них поет ваша отрубленная голова. Лорд Уорвик, ваши ноги утопают в крови. Где падают на эшафоте королевы; там лорды Англии также исходят кровью. Отец, отец, ты отмщен; теперь бичуют рабов, смотревших на зрелище твоей казни, веселая Англия пляшет с палачом, и пламя костров взвивается к небесам... О Боже мой... умилосердись!.. Я перестала проклинать, остави Свою карающую десницу, сжался!

Маргарита изнемогла и словно окаменела перед страшным видением, которое представлялось в экстазе ее душе; ее колени подогнулись, и она, упав в обморок, ударилась плечом об алтарь; последний опрокинулся, и голова ее отца покатила через нее на пол. Мужчины побледили; когда молодая женщина назвала Уорвика по имени, он машинально схватился за шпагу. Но Сэррей слушал словно очарованный, и, хотя его члены дрожали от озноба, его душа жадно упивалась ужасной картиной.

– Лорд Уорвик, – потихоньку спросил он, когда они передали Маргариту на попечение старухи, – что думаете вы насчет этих предсказаний?

– Я истолковываю их в хорошую сторону! – серьезно ответил Уорвик. – Если мои ноги тонут в крови, значит, я должен держать в руке меч; тогда я не боюсь ничего. Что же касается вас, то берегитесь этой последней песни... Избегайте королевского двора; ваше сердце слишком пылко для капризов короля Генриха: он способен заставить поэта поплатиться за песню, которая не понравилась ему.

– Тогда я сделался бы мучеником поэзии! – с принужденным смехом воскликнул Сэррей. – Но я не могу поверить в ужасную кровавую тучу, созданную разгоряченным воображением.

Лорд Уорвик не сказал на это ничего; он и его спутник молча дошли обратно до того места, где их дороги разделились. Уорвик на прощание пожал руку Сэррея и промолвил:

– Генри Говард! Если бы пророчеству все-таки было суждено сбыться, то у вас найдется мститель, как нашелся он и у леди Маргариты.

Сэррей в шутовском тоне обещал то же самое. Однако его веселость была ненатуральной. Какое-то недоброе предчувствие легло тяжелым гнетом на его сердце. В первый раз сегодня английский Петрарка не пел никакой страстной песни, прохаживаясь по узорному мраморному полу своего дворца.

Уорвик не ошибся в своем суждении о короле Генрихе, когда сказал, что в данном случае Анне Болейн предстоит поплатиться ни более ни менее как своей головой. На другой же день леди Джейн Сеймур видели верхом на белоснежном иноходце, в расшитом золотом платье; она скакала рядом с королем по Сент-Джеймскому парку, но ее прекрасную голову увенчивала только дворянская корона из черного бархата, унизанная жемчугом.

Вскоре иная корона должна была украсить ее благовонные кудри. В то время, когда она с веселыми шутками ехала возле Генриха, супругу короля, несчастную Анну Болейн, отводили в Тауэр; ее обвинили перед парламентом в прелюбодеянии, которое она будто бы совершила с пятью дворянами, между прочим, со своим родным братом. В надежде на обещанное помилование, один из обвиняемых дал ложное показание, после чего все они были приговорены к смерти и казнены. Анне Болейн также вынесли смертный приговор. Обсуждали, следует ли обезглавить ее или сжечь живую. Однако Генрих в воспоминание сладостных часов, пережитых им с нею, решил в виде милости обречь ее секире палача.

Это не была уже гордая красавица, насмехавшаяся над Екатериной Арагонской; проникнутая глубоким раскаянием, Анна Болейн бросилась к ногам жены тюремного смотрителя и умоляла эту женщину пойти к дочери отринутой королевы, принцессе Марии Тюдор, чтобы, обняв ее колени, просить прощения от ее имени за то бедствие, которое навлекла она на принцессу с ее царственной матерью.

Несчастной осужденной не разрешили даже повидаться с ребенком, которого подарила она Генриху, – с златокудрой Елизаветой, похожей на нее как две капли воды. Мужество покинуло Анну при виде эшафота. В диком безумии она разразилась хохотом, потом задрожала от страха, и молилась, и плакала.

В тот же день, когда голова Анны Болейн скатилась на песок, в Виндзорском дворце гремела праздничная музыка. Король Генрих вел Иоанну Сеймур к алтарю.

Глава 2. Сэррей и Уорвик

I

Прошло несколько лет с того дня, когда Генри Говард с лордом Уорвиком стояли перед Маргаритой Мор, и многое изменилось с тех пор. Джейн Сеймур после недолгого замужества умерла после родов, и король Генрих отправил своего приближенного, сэра Томаса Кромвеля, в Клеве, просить для него руки принцессы Анны. Когда невеста, обвенчанная по обычаю того времени с королевским посланником вместо короля, была привезена к нему, то король нашел ее безобразной и разразился бранью, говоря, что ему вместо жены привели толстую фландрскую кобылу. Он устроил вторичный развод, с Анной Клевской, а посредника этого брака приказал обезглавить.

Томас Кромвель, по словам палача в Тауэре, не позволил завязать себе глаза перед казнью; он пожелал умереть с ясным взором, устремленным в будущее.

– Скажите королю Генриху, – были его последние слова, – что он поступил нехорошо, в насмешку упрекнув меня, будто бы я, сын кузнеца, плохо подковал его, обманув насчет огромной, толстой брабантской лошади, которая умеет ржать только на нижнегерманском наречии. Да будет ему известно, что сто лет спустя внук этого кузнеца выкует железо, которым будет казнен король Англии.

Окончив эту речь, Кромвель положил голову на плаху, а когда она была отрублена, мертвые, остановившиеся глаза казненного так и остались широко раскрытыми и выпученными, точно его взор действительно прозревал будущее. Сколько их ни закрывали, они снова открывались словно невидимой рукой, и голова Кромвеля осталась лежать в гробу как бы зрячая.

– Это означает, – пояснил палач, – что лишь после того, как новый Кромвель отмстит за своего предка, умертвив короля Англии, обезглавленный сомкнет наконец свои вежды.

После того однажды на пиру у архиепископа Винчестерского Генрих увидел грациозную, пленительную Екатерину Говард, племянницу герцогов Норфолк и двоюродную сестру графа Сэррея. Напрасно граф Сэррей предостерегал свою родственницу против кровавого наследия Анны Болейн, Екатерина не послушала его предостережений; она протянула руку королю и сделала его настолько счастливым, что он заказывал по всем церквам благодарственные молебствия за свое супружеское счастье.

Однако непостоянство сладострастника и тут довело его до пресыщения, а предлог предать суду надоевшую жену был скоро найден. Раньше своего брака с королем Екатерина состояла в нежных отношениях с неким Дургемом и предназначалась в супруги другому дворянину. Оба эти человека – бывший любовник и жених – были немедленно приговорены к смертной казни, а несчастную королеву таскали с допроса на допрос, хотя она не могла дать иные показания, кроме того, что горько раскаивается в своем прежнем легкомыслии, но не признает себя виновной ни в какой неверности своему супругу.

Однако Екатерину обвинили в государственном преступлении, так как она скрыла, что была уже не девушка, когда отдавала Генриху свою руку.

Снова зазвонил погребальный колокол, и черный флаг на зубцах Тауэра возвестил, что голова королевы упала под секирою палача, а герольды провозглашали на улицах Лондона, что, «по праву и справедливости», герб и имя казненной королевы должны исчезнуть со всех общественных зданий, а все ее портреты подлежат конфискации.

Это последнее бесчестье было придумано графом Линкольном, министром Генриха VIII и заклятым врагом Екатерины Говард.

Во дворце могущественного графа Килдара, у углового окна, в среднем этаже, виднелась высокая, стройная фигура девушки, наблюдавшей сквозь слезы за тем, как констебли снимали с таверны вывеску с гербом королевы Екатерины. Пульс девушки лихорадочно бился, красивые члены дрожали от ужаса, а сердце сжималось невыразимой тоскою.

– Бедный Генри! – вздохнув, промолвила она. – Как должно быть тяжело ему в настоящую минуту!.. Его сестра казнена, родовой герб его имени подвергается поношению, а самому ему, его брату и всем близким грозит опасность тяжелой немилости короля! Ведь они ближайшие родственники несчастной Екатерины, а Генрих – этот ужасный тиран, не щадящий никого, кто так или иначе навлек на себя его гнев, – не остановится распространить свою ненависть на всех, кто был близок к виновному... Господи, научи меня, что мне сделать, как помочь Сэрреям? Ведь они – друзья нашего дома, и я сроднилась с ними всей душой!.. Если их постигнет какое-либо несчастье, оно так же тяжело, как и их, поразит и меня!.. Пойти к отцу, просить у него заступничества? Но согласится ли он на это? Ведь он так дорожит своим положением при дворе!..

В этот момент открылась дверь, и в нее вступил тот, кем только что были полны мысли молодой дочери графа Килдара. Девушка быстро повернулась и с тревогой на лице пошла навстречу Генри Сэррею.

Не дожидаясь его приветствия, она, протянув ему обе руки, воскликнула:

– Дорогой друг! Вы страдаете? Чем, чем могу я помочь вам? Я слаба и бессильна, но знайте, что мое сердце всецело разделяет ваше горе!..

– Благодарю вас, миледи Бетси! Иного отношения я и не ожидал от вас... вы всегда были добры ко мне и брату!..

– И это мое расположение к вам окрепло еще более теперь, в минуты вашего горя и той опасности, которая грозит вам со стороны короля... Бегите отсюда, сэр Генри! Спасите себя от гнева тирана!.. О боже, как я ненавижу его!.. Мне страшно, противно видеть его скверную фигуру, улыбающуюся в то время, как на эшафоте льется кровь жертв его кровожадности... О, что бы я дала, чтобы избежать возможности бывать в его дворце, проникнутом насковозь ужасом и страшными замыслами!.. И я сделаю это!.. Пусть мой отец говорит что хочет, но я не последую ни одному приглашению короля!..

– Но, миледи, ведь вы этим навлечете на себя гнев короля... ведь начнут расспрашивать о причинах, и, весьма вероятно, зная о вашем расположении ко всей нашей семье, заподозрят, что вы уклоняетесь бывать при дворе из-за того, что там тяжело оскорбили нас...

– Мне все равно!.. – воскликнула леди Бетси. – Зато моя душа будет спокойна!.. Но довольно говорить обо мне!.. Спешите вы сами избежать опасности!..

– Нет, я не боюсь никакой опасности! – гордо воскликнул Генри Говард, граф Сэррей. – Я всегда сумею защитить себя, и для этого у меня есть два орудия: моя шпага и мой стих... О, последний часто колет еще сильнее, чем первая!.. Бог поэзии дает своим избранникам мощь, более сильную, чем сталь... в их распоряжении слово, а оно наносит более сильные удары, нежели меч... И этот кровожадный Генрих почувствует силу моего слова!.. Он думает, что он безгранично велик и могуч и может вершить все что ему угодно... Но он ошибается!.. Сила свободного слова разит каждого – и слабого и мощного, и слово поэта, в особенности то, которое подмечает и бичует все слабости ненавистного тирана, легче и скорее, нежели самый строгий закон, повиновение которому достигается под угрозой хотя бы смерти, запоминается народом!.. Час моей мести Генриху близок!.. Вчера я написал поэму, в которой, бичуя все мерзости, совершенные Генрихом, я облек в поэтическую форму зловещее предсказание роду Тюдоров, вырвавшееся из уст несчастного Кромвеля перед его мученической казнью... Пройдет несколько дней – и вся Англия будет с наслаждением упиваться моими строфами. И если на Генриха не действуют вопли его жертв, если на его сердце не оказывают впечатления

стоны и муки несчастных, зато больно кольнут его стрелы моей сатиры и ужас содержания моей поэмы!..

– Безумец! Что вы хотите сделать! – с ужасом воскликнула леди Килдар. – Умоляю вас, уничтожьте эту поэму!.. Ведь она, несомненно, приведет вас к гибели!.. Если уже теперь над вами навис грозящий ежесекундно обрушиться меч, если теперь грозит вам возможность смерти только за то, что вы родственник несчастной казненной королевы Екатерины, вашей двоюродной сестры, то что же будет, когда вы стрелами своей безумно смелой речи затронете лично короля?

– Э, будь что будет! – махнув рукой, воскликнул Генри Сэррей. – Днем раньше, днем позже – не все ли равно? Разве можно еще питать хоть какую-либо жажду жизни, когда она здесь не ценится ни во что!..

– Одумайтесь, сэр Генри!.. Ведь вы еще молоды!.. А разве не прекрасна жизнь в молодости?.. Тяжело сейчас, но не всегда же так будет!.. Не глядите на жизнь столь мрачно! Она и вам еще откроет свои радостные объятия! – воскликнула леди Килдар. – Умоляю вас, откажитесь от своего плана! Вспомните об отце, сестре, о своем мальчике-брате!..

В этот момент послышались звон шпор и звук тяжелых шагов, очевидно, взрослого человека и рядом с ними топот детских ног. В комнате появились лорд Уорвик в военных доспехах и рядом с ним мальчик, брат Генри Сэррея, Роберт.

– А, лорд Уорвик! – радостно промолвила леди Килдар. – Вы как нельзя кстати... И Роберт с вами? Это еще лучше!.. Быть может, вид брата, перед которым еще вся жизнь впереди, заставит одуматься этого безумца, – сказала девушка, указывая на Генри Сэррея, и затем передала лорду Уорвику весь свой разговор с пылким поэтом.

Холодный, спокойно-рассудительный Уорвик слушал девушку с насупленными бровями, а затем, обращаясь к Генри Сэррею, произнес:

– Граф Сэррей! Я всем сердцем понимаю, что вы до глубины души оскорблены последними событиями... Я понимаю ваш порыв, но должен остановить его... Вы знаете, что я не менее вас ненавижу этого тирана на троне, ввергнувшего в горе и несчастье свою жену – ту женщину, которую я когда-то любил... Помните мой рассказ после бала у Кранмера, когда мы шли с вами к несчастной Маргарите Мор?.. Но не пришло еще время, когда мы будем в силах отплатить Генриху за его тиранию... Однако мы добьемся своего... Вспомните, что говорила Маргарита о нем и его женах!.. Все это исполнилось, так отчего же не исполниться и тому, что она сказала о вас? Она сказала: «Ваши песни становятся все грустнее и горше, и последнюю из них поет ваша окровавленная голова». Что, если это так будет?.. Конечно, вы вольны делать с собою, что хотите...

– Я не боюсь ничего! – прервал Уорвика Генри Сэррей.

– Я знаю вас, – не слушая его, продолжал лорд, – но вы не вправе распоряжаться жизнью своего брата!.. Откажитесь от своего плана или вручите мне Роберта!.. Я намеревался проститься с вами, так как собираюсь уехать в свой Уорвик-кастл; но теперь я уеду не один... Я увезу с собою Роберта и думаю, что имею на это право в силу своей долголетней дружбы с вами... Поверьте, я сделаю из него человека, ценящего блага жизни больше, чем это делаете вы, и разбуду в нем такую же ненависть к Генриху Восьмому, какую питаю я сам против него и какой проникнуты вы... И тиран не уйдет от мести, если не нашей, то, по крайней мере, нашего младшего поколения... То, что, может быть, по воле судьбы, не удастся сделать нам, совершит оно, отплатив если не самому Генриху, то его потомству.

Генри Сэррей слушал лорда с видимым волнением; он, очевидно, колебался и не раз взглядывал на леди Килдар, как бы ища у нее решения своих сомнений. А она, нежно привлекая к себе Роберта, с затуманенными от слез глазами, в которых виднелось выражение мольбы, глядела на своего друга, словно побуждая его принять совет лорда Уорвика.

Наконец Генри Сэррей произнес:

– Хорошо! Я подчиняюсь вам; я скрою до поры до времени заготовленное мною оружие против Генриха... Буду надеяться, что придет время, когда мне судьба позволит прибегнуть к нему! – Затем он обернулся к брату и, подождав его к себе, сказал: – Роберт, ты поедешь в Уорвик-кастл! Стань настоящим мужчиной!.. Помни, что на тебя падает доля отмстить за позор Англии!

Он обнял брата и, повернувшись, вышел из комнаты. Леди Килдар проводила его взором, но не сказала ни слова. За Сэрреем тотчас же, простившись с молодой девушкой, пошел лорд Уорвик со своим новым воспитанником Робертом Говардом, графом Сэрреем.

II

В Уайт-холле, у того самого окна, откуда много десятилетий спустя Оливер Кромвель смотрел на казнь Карла I, сидела девушка лет тринадцати, с рыжевато-золотистыми волосами, с благородной, высокой фигурой и серьезным бледным лицом. При ней находилась дочь графа Килдара.

– Это пройдет! – шепотом промолвила дочь Анны Болейн, принцесса Елизавета Английская.

Бетси Килдар рыдала потихоньку, не будучи в силах скрыть свое горе, вызванное страшной казнью ее лучшего друга.

Да, Генри Говард, граф Сэррей, сложил свою голову на плахе.

Прошло два года со дня казни его двоюродной сестры Екатерины, и Генрих VIII утешился в объятиях иной женщины – своей шестой и последней жены Екатерины Парр. Эта дивная женщина сумела овладеть тираном настолько, что он, не терпевший над собой ничьей воли, все же часто исполнял то, что желала его шестая супруга. Но это обстоятельство создало ей массу врагов. Интрига за интригой следовали против нее, однако с помощью своей поразительной выдержки и ума Екатерине удавалось благополучно избегать обрушивавшихся на нее опасностей. Одной из самых хитрых была та, которая была связана с увлечением юной королевой Генри Говарда. Он влюбился в Екатерину Парр, но придворная партия, во главе с архиепископом Гардинером и лордом Дугласом, сумела обойти его. Генри Говард был допущен в Уайт-холл на свидания с женщиной, которая выдавала себя за королеву, переодеваясь даже в платье последней. Страстный поэт клялся в любви этой мнимой королеве, принимая ее за настоящую, и даже публично воспел ее под именем Джеральдины, но в конце концов, по проискам врагов Екатерины Парр, был застигнут Генрихом VIII на месте свидания и отправлен в Тауэр. Он был обвинен в государственной измене и казнен на эшафоте. Сбылось предсказание Маргариты Мор, но совершилось и то, что говорил лорд Уорвик, увозя с собою брата пылкого поэта – Роберта.

Как ни тягостно было леди Бетси Килдар, но воля отца заставила ее принимать участие в жизни короля-тирана и стать фрейлиной его дочери – принцессы Елизаветы, дочери Анны Болейн.

– Леди Бетси, – продолжала Елизавета, – король не мог помиловать Генри Говарда: ведь он был государственным преступником. Странно, – задумчиво пробормотала она про себя, когда Бетси не ответила ничего, безучастно уставившись взором в пространство и будучи совершенно поглощена своим жестоким горем, – странно, как это можно любить государственного преступника или просто симпатизировать ему. Если женская гордость утрачивается в любви или дружбе к мужчине, то я не хотела бы изведать это чувство.

– Но со временем вы изведаете его, ваше высочество, и тогда вам припомнятся мои слезы. Принцесса покачала головой и возразила почти сердито:

– Нет, нет! Я читала песни Сэррея; они прекрасны и нежны, но это – сладкая отравка. Разве моей матери не пришлось умереть раньше времени из-за того, что она упивалась подобным ядом? Что такое влюбленная женщина, как не раба? О, я хотела бы лучше быть мужчиной!

Она прошла взад и вперед по комнате.

Бетси Килдар вздохнула. Даже в этом подростковом возрасте не встречала она сочувствия. Еще менее того была склонна Елизавета замолвить слово в пользу осужденного. В ней явно сказывалась кровь Генриха VIII.

В это время в комнату вошла графиня Килдар и, бросив на дочь строгий взгляд, сказала:

– Бетси, только что полученное известие подтверждает, как сильно заблуждалось твое сердце. Брат обезглавленного Сэррея – Роберт Сэррей – прислал королю письмо с отказом от подданства. Его привез посланный Уорвик. Он отправляется к врагам короля, в Шотландию. Такая изменническая мысль не могла возникнуть в голове мальчика; она внушена ребенку бунтовщиком – старшим братом; это он внедрил ее в детское сердце.

– Уорвик был его наставником? – воскликнула Елизавета. – Английские лорды в рядах шотландцев! Хорошо сделают, если разобьют гербы этого рода.

Бетси Килдар не проронила ни слова. Ее сердце было готово разорваться. Леденящая дрожь пробегала по ее членам. Как холодно, как бессердечно говорила это мать в тот момент, когда еще теплая кровь Сэррея текла потоками на сырую землю, а ведь она знала, как дорог был умерший сердцу дочери! Молодая девушка украдкой выскользнула из комнаты и колеблющимися шагами направилась к себе в комнату, чтобы поплакать там и помолиться. Ей казалось, что теперь порвана последняя связь, которая еще соединяла ее с жизнью, с родными и со всем, что она любила во время краткого лета своего существования.

Вдруг послышался легкий стук в дверь, и к леди Бетси вошла дама под вуалью.

Молодая девушка подняла взор и невольно испугалась при виде этой исхудалой фигуры с бледным лицом, этих зловеще сверкающих глаз, пылкий взор которых как будто пронизывал ей душу.

Вошедшая подала леди Килдар запечатанный пергамент, тихо промолвив:

– От графа Уорвика!

Леди Бетси вскрыла письмо. То был почерк мальчика, а не твердая рука старого лорда.

«Миледи, – гласило это послание, – проливается кровь моего убитого брата, и я отправляюсь в Шотландию. Лорд Уорвик говорит мне, что хотя принцесса Мария Шотландская и помолвлена с принцем Уэльским, однако ее родные и не думают отдавать царственное дитя убийце нашего дорогого Генри. Стюарты имеют притязания на английский престол с той поры, как Генрих VIII отринул свою первую законную супругу. Поэтому для меня не может быть ничего лучше, как посвятить свою жизнь службе им. Прощайте, леди Бетси, и да благословит вас Бог за преданную дружбу к моему несчастному брату. Молитесь, чтобы мне удалось со временем отмстить за его смерть.

Роберт Говард, граф Сэррей».

– И он погибнет в свою очередь, – печально прошептала леди Килдар. – Бедный мальчик! Неумолимый рок влечет его от веселого отрочества к мрачному жребию.

– Вы горюете? – воскликнула Маргарита Мор (таинственная посетительница была именно она). – Неужели благородный Сэррей, предсмертное проклятие которого возмутило все сердца в Англии против дикого произвола короля Генриха, мог быть дружен не с существом с гордой душой, а с какой-то слезливой женщиной, изливающейся в малодушных жалобах? Неужели вы способны смотреть на льющуюся кровь, не пылая ненавистью к убийце, можете плакать, не проклиная?

– Кто вы такая? Что могу сделать я, слабая женщина? Скажите мне, что могу я совершить, чтобы быть достойной Сэррея, а потом спрашивайте, стоила ли я того, чтобы Генри был моим другом.

Маргарита протянула свою худую руку и, схватив прекрасную, обнаженную руку леди Бетси, блиставшую белизной, прошептала, сверкая глазами:

– Будь я так красива, как вы, я не плакала бы и не предавалась бы бессильному отчаянию, когда бешеный злодей замучил моего отца. Я вскружила бы голову развратнику своею улыбкой и умертвила бы его ядом ненависти; я наслаждалась бы его мучением...

– Перестаньте! – содрогаясь перебила леди Килдар. – Уже одно подозрение, что я отгадала вашу мысль, внушает мне ужас. Лучше смерть, чем подобное лицемерие! По-вашему, мне следовало бы дарить улыбкой убийцу моего лучшего друга, следовало бы найти в себе достаточно силы, чтобы скрывать свою ненависть и презрение к злодею под маской любви?

– Миледи, ваша ненависть холодна, если мщение пугает вас.

– Она не холодна, но не хочет осквернять себя предательством. Требуйте от меня всего, но не заставляйте краснеть перед самой собою и незабвенным образом Генри Сэррея.

– Уорвик предупреждал меня, что вы станете противиться, но я не поверила ему.

– А разве лорду Уорвику известен ваш план?

– Он слышал от меня о нем и заранее предсказал ваш ответ.

– Тем не менее вы пришли ко мне?

– Я не сообщила вам еще, чего потребует лорд Уорвик от вас, если предсмертное желание умершего священно для вас.

– Тогда говорите; милорд не потребует от меня ничего унижительного для моей чести.

– Миледи, лорд Уорвик воспитал Роберта Сэррея, брата казненного Генри Сэррея, и этим поставил себя во враждебные отношения ко двору. Он предоставляет вашему влиянию сделать возможным его возвращение в Лондон.

– Моему влиянию? Это насмешка или шутка?

– По мнению лорда, в награду за то, что вы, леди Бетси, преодолеете свое горе, граф Килдар согласится на все. Ваш отец могуществен, но рискует попасть в немилость у короля, если вы, его дочь, станете горевать о Сэррее. Миледи, если вы в состоянии замкнуть свою скорбь в груди и ценой вашего появления при дворе склонить своего отца к тому, чтобы он потребовал безнаказанности Уорвика, то это будет первым шагом к отмщению за убитого. Лорд Уорвик добивается не только благосклонности короля Генриха, но также и дружбы вашего отца.

– Чтобы составить заговор против короля? Мой отец никогда не согласится содействовать ему в этом.

– Миледи, я только исполняю поручение, а решать должны вы сами. Завтра предстоит турнир в Винчестере. Граф Килдар потребует, чтобы вы появились на празднике, а он отлично знает, что с вашей стороны это будет тяжелой жертвой, так как он знает, какую ненависть питаете вы к королю за казнь вашего лучшего друга. И, поверьте мне, граф охотно согласится на ваши условия.

– Он назовет меня сумасшедшей, потому что посланный Уорвика только что привез письмо Сэррея с отказом от подданства.

– Миледи, ответ вашего отца будет иным, когда вы передадите ему вот это письмо лорда Уорвика и прибавите от себя, что он может рассчитывать на ваше послушание его отцовской воле в случае его согласия и на ваше упорство в случае его отказа.

Леди Килдар отрицательно покачала головой.

– Нет, нет! Я не упорствую против родительской воли, если требую от отца уважения к моим священнейшим чувствам и пощады моему сердцу, исходящему кровью; но если я поставлю свое послушание ценой за услугу с его стороны, то отец вправе счесть мое горе притворством, а меня – лицемеркой. Он стал бы презирать меня за это... Нет, я никогда не соглашусь на подобную сделку!

– Миледи, я вижу, что лорд Уорвик ошибся: он думал, что в день казни Сэррея в вашем сердце не может быть места иным чувствам, кроме жажды мщения его врагам, что вы не колеблясь ухватитесь за каждого, кто обещает вам отомстить за его смерть. Между тем оказывается, что вы благоразумны, миледи, что вы обдумываете, сомневаетесь... взвешиваете...

– Довольно! – гордо перебила гостью леди Бетси. – Где письмо лорда? Я передам его отцу, но решу сама, чего мне пристойно требовать.

– Ну, нет, миледи, – возразила Маргарита, – вас также лишают доверия, когда вы не хотите оказать его другим. Граф Килдар лишь тогда может получить это послание, когда он убедится, что своим отказом навсегда оттолкнет от себя сердце своей дочери. Вы должны примкнуть к нам безусловно, в память вашего друга Сэррея. Но, может быть, вы не согласны на это? Ведь, правда, смерть расторгает множество уз; очевидно, он достоин только слез слабой женщины, но не жертвы.

Леди Бетси вырвала из рук Маргариты пергамент и воскликнула с пылающим лицом:

– Вы жестоки, но справедливы. Я была бы недостойна моего Генри, если бы колебалась. Лорд Уорвик был единственным, последним другом Генри Говарда; передайте же ему, что он может рассчитывать на меня.

Улыбка торжества промелькнула по холодным чертам Маргариты: она одержала победу.

III

Час спустя леди Килдар стояла перед отцом. Граф пришел сам изъявить ей свою волю, узнав от своей супруги, что их дочь не скрывает своего горя по поводу казни Сэррея даже в присутствии принцессы Елизаветы.

Граф Килдар был вспыльчивый, горячий человек, но именно эта необузданность нрава и заслужила ему королевское благоволение. Он принадлежал к числу тех, которые особенно усердно свирепствовали против католиков, когда Генрих VIII обнаружил новое, англиканское вероисповедание. Когда же его представили на суд короля за тяжкие преступления, особенно за сожжение церкви в ирландском городе Кэшеле, то граф Килдар заносчиво подтвердил на допросе, что действительно сжег церковь, и прибавил еще с видом упорства: «Я не посягнул бы на эти стены, если бы не знал, что в них находится архиепископ Дублинский».

Последний, присутствовавший при этом, обратился тогда к королю с такими словами: «Вы видите, ваше величество, что это за человек; всей Ирландии не управиться с ним». – «Так, – произнес Генрих VIII, – тогда будет лучше всего, если он сам станет управлять всю Ирландией!» И граф Килдар был немедленно назначен ирландским вице-королем. Это создало ему влияние, которое приходилось уважать даже самому королю. И Генрих VIII охотно делал это; он любил облекать властью своих любимцев и бывал неумолим и жесток лишь в том случае, когда затрагивали его слабости. Он не прощал, если кто-нибудь отказывался признать церковное учение, созданное его тщеславием, когда ему предстояло или порвать с Римом, или подчиниться, и с кровожадной жестокостью преследовал каждого, кто ставил преграды его сладострастным желаниям или давал понять, что видит в его жестокости нечто иное, а не справедливый приговор.

Поэтому граф Килдар рисковал очень многим, если бы его дочь отказалась присутствовать на придворном празднике. Печаль по государственном преступнике являлась в глазах Генриха VIII равносильной самому государственному преступлению, и король должен был принять это к сердцу вдвое сильнее из-за того, что Генри Сэррей приходился родственником казненной королеве.

– Бетси, – сказал граф, устремив на дочь строгий и мрачный взор, – король будет завтра в пунцовом; ты появишься в тех же цветах, чтобы показать его величеству, что ты раскаиваешься в своем сердечном заблуждении.

– То не было заблуждением, отец; ведь ты сам одобрял мою дружбу с Сэрреем. Так неужели же ты после всего того, что выпало на его долю, можешь требовать от меня такой низости, как преклонение перед убийцей моего лучшего друга?

– Я не требую, чтобы ты это делала искренне, от всего сердца; я хочу, чтобы ты принесла мне жертву, затаив в себе свою скорбь. Я знаю, что требую от тебя тяжелой жертвы, но благо-разумие предписывает тебе этот шаг, который не задевает ни твоей, ни моей чести.

– Ты, пожалуй, ошибаешься, отец!.. Найдутся честные люди, которые, зная мою дружбу с Сэрреем, признают мое согласие на твое предложение неблагородным. Вот, например, лорд Уорвик...

Лицо графа побагровело.

– Да, – промолвил он, скрипя зубами, – этот Уорвик, навлекший на себя гнев короля тем, что приютил у себя Роберта Сэррея. Да ведь он первый будет насмешливо разглашать во все-услышание, что Килдары обещены. После этого тебе одна дорога – в монастырь. Клянусь святым Георгием, ты не могла придумать ничего хуже, как пойти мне наперекор при таком свидетеле. Я принужден теперь сказать королю, что отринул тебя и лишил наследства. Ты говоришь правду! Если бы тебе пришлось появиться при дворе, то Уорвик принял бы злорадно высмеивать Килдаров, говоря, что они готовы любой ценой купить благоволение короля... При таких условиях невозможно никакое лицемерие. Но я отправлю ему радость торжества; он не увидит моего падения – лучше остаться бездетным, чем угодить в опалу, в изгнание!

– Ты ошибаешься относительно лорда Уорвика! – воскликнула леди Бетси. – Он, по-видимому, также находит нужным, чтобы я бывала при дворе. – Молодая девушка вынула из кармана письмо лорда и сказала: – Прочти сначала это, а потом уже осуждай Уорвика.

– Письмо от него? – воскликнул пораженный Килдар, узнав графский герб Уорвиков.

Граф уже распечатал письмо и торопливо пробежал глазами строки; его черты становились все серьезнее.

– Это смело, клянусь святым Георгом! – пробормотал он, и его глаза сверкнули. – «Английские лорды не могут идти наперекор Генриху Восьмому, но они должны подумать о будущем. Если мы станем руководить воспитанием юного Тюдора, то зложим фундамент того оплота, который должен защищать наших детей и внуков от произвола тирана!» Смелая и великая мысль, и я согласен с нею. Но как добиться помилования Уорвика? Генрих в ярости, что малолетний Сэррей находится в его замке...

– Я готова помочь горю, отец, – воскликнула Бетси, – я сама буду просить о том короля...

– Ты соглашаешься?..

– Разве лорд Уорвик не замышляет отомстить за Сэррея, отец? Может ли кровь благородного поэта принести более прекрасные плоды, чем этот союз примирившихся могущественных соперников, который воздвигнет твердый оплот против произвола короны? Тут не тяжела никакая жертва, не труден никакой долг! О, теперь я понимаю, чего требовала та женщина! Да, я могу лицемерить, я стану льстить, притворяться, как делают, приближаясь на охоте к зверю, чтобы заманить его в расставленные сети. И, если бы мне пришлось умереть от яда, который я заимствую у ненависти, я буду красть его улыбаясь и улыбаясь испускать его. Я буду улыбаться, когда мое сердце разрывается от горя и скорби, потому что я мщу за Сэррея, исполняя то, чего он хотел.

Граф смотрел на пылавшую одушевлением дочь, и в нем также заговорило давно дремавшее чувство. Зависть к соперникам, тщеславие своим званием первого лорда в Англии заставили его позабыть, чего требует гордость мужчины. Он превратился в царедворца, а между тем Фитцджеральды из Килдара некогда служили опорой трона Плантагенетов и не склоняли головы ни перед каким государем.

Граф прижал к сердцу свою гордую дочь и воскликнул:

– Будь совестью Килдаров! Не Кромвелю суждено отомстить за истекающую кровью Англию, как пел твой Генри; пэры короны поднимут свой щит, чтобы отразить удары Тюдоров!

IV

На другой день, на торжественном турнире, Бетси Килдар появилась в пунцовом – то был избранный цвет короля. Хотя горячая краска стыда залила ее лицо, когда она поймала презрительный взгляд принцессы Елизаветы, брошенный на нее с высоты балюстрады, однако ничто не выдавало внутренней бури, бушевавшей в груди леди Бетси, когда к ней приблизился король Генрих.

– Я рад видеть вас, прекрасная леди, – сказал он. – Ваше лицо цветет таким румянцем, как будто оно никогда не знавало слез.

– На него светит солнце! – льстиво ответила леди Килдар.

– Черт возьми, вы ставите меня в тупик! Но вам не отвертеться от меня так легко. Мне рассказывали, будто лорд Уорвик был частым гостем у вас, когда в вашем доме бывал Сэррей.

– Ах, ваше величество, соблаговолите разрешить мне замолвить за него словечко, чтобы ему не лишиться на долгое время солнечного луча вашего благоволения.

– Черт возьми, вы, кажется, дурачите меня? Он бунтовщик, и его голова очень скоро будет торчать на зубцах Уорвик-кастля.

– Ваше величество, он думал угодить вам, избавив Роберта Сэррея от скорбного впечатления, когда его старшему брату стала грозить ваша немилость.

– И потому он прислал мне письмо дерзкого мальчишки с отказом от подданства, вместо того чтобы доставить его связанным в Тауэр?

– Ваше величество, лорда нет в Уорвик-кастле, случившееся там произошло против его воли.

– Уорвика нет в его замке? Где же он тогда?

– Вон там, возле моего отца, которого он упрашивает отвратить от него вашу немилость, ваше величество. Вы видите, лорд не боится вашего правосудия, так как он здесь. И что мог бы он придумать лучше этого? Солнце светит так радостно, что даже тень затаенных слез исчезает там, где греет и живет всю природу его светлое сияние. Неужели это солнце допустило бы помрачить себя туче из Уорвик-кастля? Разве король бывает когда-нибудь более велик, чем в те минуты, когда он дарует свою милость просящим ее?

– Леди Бетси, – произнес Генрих VIII, – я был бы недостоин звания первого рыцаря Англии, если бы не повиновался словам, произносимым такими прекрасными устами, как ваши.

Тут он подал знак гофмаршалу подзвать лордов Килдара и Уорвика.

Когда лорды низко поклонились государю, он сказал:

– Милорд Уорвик, мы слышим о вашем усердии служить нам и за это намерены простить вам ваши самовольные действия. Мы решили иначе насчет Роберта Сэррея. В знак же нашей королевской милости мы намерены воспользоваться вашим гостеприимством в Уорвик-кастле и надеемся найти там цвет красоты.

Монарх милостиво кивнул головой и пустил свою лошадь на место турнира.

С балюстрады грянула музыка; герольды возвестили начало турнира и расставили партию, собиравшиеся ломать между собою копья в честь дам.

Граф Килдар предводительствовал партией, которой надлежало выступить против короля. Великолепный вид представлял собою этот отряд рыцарей в блестящем вооружении и вышитой одежде, с пестрыми знаками.

Трибуны были битком набиты зрителями; в королевской ложе сидели дети Генриха VIII: принц Эдуард и принцессы Мария и Елизавета, которым предстояло со временем вступить на отцовский престол.

Партия короля была в пунцовом одеянии с золотым шитьем, партия Килдара – в черном шелковом с бархатной отделкой и серебряным шитьем. Плащ короля и чепрак на его коне были усеяны драгоценными камнями и золотыми литерами. На лорде Уорвике под доспехами был надет пунцовый камзол, и, прежде чем начался турнир, он подвел к королевской партии еще двоих всадников. Один из них был крепкий мужчина в цвете лет, другой – почти еще мальчик в одежде пажа, но вооруженный по рыцарскому обычаю. Король спросил, что означает такое шествие; тогда Уорвик низко поклонился на своем седле и ответил:

– Соизвольте, ваше величество, чтобы мой сын и мой внук сражались сегодня ради победы короля; я взял их с собою в подтверждение моей преданности.

Король улыбнулся; эта речь рассеяла остаток подозрения, которое он питал против Уорвика, и его взор с особой благосклонностью остановился на красивом мальчике, который гордо и смело смотрел ему в лицо.

– Я принимаю этих бойцов; их имя служит мне порукой их храбрости, – сказал Генрих VIII. – Однако поберегите своего внука, лорд Уорвик! Как бы с ним не приключилось беды в общей схватке.

– Соизвольте, ваше величество, чтобы семья Уорвиков выбрала себе талисман, который должен охранять ее от всех напастей!

Король утвердительно кивнул головой, явно заинтересованный тем, что означает эта просьба.

Тогда трое Уорвиков повернули своих коней к балюстраде и опустили копья перед королевской ложей. Трое детей короля вспыхнули, потому что им никогда еще до сих пор не оказывали подобной чести. Никто не знал, за кем из них признает Генрих права престолонаследия, так как они происходили от осужденных женщин короля. По этой причине со стороны Уорвика было тонко рассчитанным шагом, что он оказал им всем троим зараз одинаковый почет, и король мог быть только польщен этим.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Лорд Уорвик дает нам понять, что мы стареем и должны подумать о своих детях. Эдуард, подай лорду бант, чтобы он служил твердой опорой нашему наследнику, когда мы со временем отправимся к нашим предкам. Мария, дай Гилфорду Уорвику-Дадли знак, что ты чувствуешь храброго рыцаря, а ты, Елизавета, укрась хорошенько пажа.

Пока старшие дети короля суетились, спеша исполнить отцовское приказание, Елизавета замешкалась немного; гордая принцесса стыдилась того, что паж будет носить ее цвета, а так как она не смела возражать, то принялась так неловко откалывать бант, что у нее отстегнулся весь откидной рукав и упал на землю.

Молодой Дадли ждал, сконфуженный, потому что насмешливая улыбка уже мелькала на губах зрителей, но вдруг, быстро решившись, он схватил рукав и вместо того, чтобы отколоть от него бант, привязал его целиком на свой стальной шлем.

– Он не застенчив, – расхохотался Генрих. – Этот малый норовит захватить всю руку, стоит протянуть ему только один палец!

Елизавета покраснела с досады на такую смелость пажа, но когда она подняла взор, то встретила такой смелый и вместе с тем такой умоляющий взгляд мальчика, что отвернулась в смущении, точно этот взгляд зажег ей что-то в сердце и победил ее гордость.

– Дамский рукав и перья на шлеме... Что начато в шутку, покончат всерьез! – пропел вполголоса придворный шут, и тихий смех приближенных дам Елизаветы помешал ей преодолеть свое замешательство.

– Красивый паж! – насмешливо сказала принцесса Мария, и ее пронзительные взоры уставились на сводную сестру. – Но я на твоём месте натянула бы рукав ему на лицо, чтобы он не засорил себе пылью на арене своих прекрасных очей. Однако смотрите! Кукла становится в ряды бойцов!

– Милая кузина, – вмешалась тут красавица Иоанна Грей, дочь родной сестры короля Генриха, – ваша насмешка звучит плохо, потому что она ударяет в щит рыцарского рода Англии.

– Леди Джейн, – возразила рассерженная Мария, – как жаль, что Гилфорд Уорвик не выбрал ваших цветов вместо моих!.. Вы так высоко цените отродье старого волка! Может быть, тогда он немного вежливее нагнул бы свою бычачью шею.

Перебранка была прервана звуком труб, возвещавших начало состязания. Всадники прищипорили своих коней, облако пыли на короткое время скрыло дерущихся, когда же оно рассеялось, то на арене оказались там и сям рыцари, выбитые из седла, сломанные копья, упавшие лошади. Рыцари, усидевшие на конях, повернули их назад для новой схватки. Король торжествовал; его партия отличилась на славу.

Раздался новый трубный сигнал – и кони опять помчались по арене, на этот раз для решительного боя. Старый Уорвик ехал возле короля, за ним его внук, тогда как Гилфорд дрался с левой руки отца.

Предстояла так называемая «схватка», при которой, однако, сражались тупыми копьями. Старый Уорвик сбросил своего противника наземь, но случилось так, что другой рыцарь одновременно наметил Уорвика для своего удара; видя, что маститый граф сражается с другим, нападающий уклонился в сторону, но тут копьё пажа так сильно ударило его по шлему, что стальные застёжки отскочили.

При этом столкновении партия Килдара вторично уступила в ловкости партии короля, которой и был присужден, таким образом, приз. Король взял золотую цепь и подал ее принцессе Елизавете, чтобы она украсила ею, вместо него, самого младшего из бойцов, который хотя и против правил вмешался в бой, но храбро постоял за себя.

V

Небезынтересное зрелище во время турнира и раздачи наград представляла собою королевская ложа, где помещались принцессы со своей кузиной.

Хотя Мария только что вышла из отроческих лет, а Елизавету можно было назвать еще ребенком, однако они обе сознавали, что в качестве королевских дочерей считаются первыми дамами в государстве и стоят рангом выше своей двоюродной сестры леди Грей, которой в то время было тринадцать лет. Принцессы отличались большею зрелостью, чем прочие девушки их возраста, но не только вследствие своего воспитания и высокого положения; суровый жребий, назначенный им роком, более всего иного рано приучил их благоразумно мириться с неизбежным и применяться к обстоятельствам.

Обе принцессы, как Мария, так и Елизавета, знали, что отцовский каприз ежеминутно может уничтожить их и что от умения угодить ему зависит все, даже то, оставит ли он свою корону одной из них или своему сыну Эдуарду. Никто из троих детей Генриха, собственно, не мог заявлять законные права на английский престол, потому что мать принцессы Марии была отвергнута королем и их брак был признан недействительным, а мать Эдуарда, Джейн Сеймур, хотя и умерла королевой, но сам он был меньшим сыном. Мать Елизаветы сложила голову на эшафоте, зато память Анны Болейн была королю дороже, чем память матери Эдуарда. Елизавета была строго воспитана в англиканском учении, Мария, напротив, была католичкой, и различные религиозные партии в стране возлагали поэтому надежды на ту или другую из принцесс.

Джейн Грей могла иметь притязания на трон в силу того, что браки короля признавались недействительными по заявлению церкви. Она не была честолюбива, но отличалась красотой, в чем ей завидовали как Мария, так и ее сводная сестра Елизавета. Мария уродилась некрасивой; в ее глазах было что-то пронзительное, а злобный нрав проглядывал в неприятно резких чертах.

Когда Гилфорд Уорвик при первой стычке вышиб из седла своего противника, принцесса Мария Тюдор ожидала, что он будет приветствовать ее, преклонив перед нею свое копьё, как прочие рыцари приветствовали своих дам; однако Гилфорд не сделал этого; может быть, он не хотел позволить себе эту часто многозначительную вольность, так как при свободном выборе дамы на турнире подобное приветствие принималось за нежное ухаживание, или же уклонился от этого обычая потому, что дочь короля не прельщала его своей внешностью.

Зато его сын-паж то и дело посматривал вверх на Елизавету, причем его юность подавала Марии повод к насмешливым шуткам.

– Этого бессовестного повесу следовало бы выпороть розгами, иначе он рехнется от тщеславия, пока у него успеет вырасти борода, – сказала она. – Его отец забывает должное почтение, а мальчишка потешается этим.

– Милая Мария, – колко возразила Иоанна Грей, – ты говорила давеча, что у Уорвика воловья шея; как же ты можешь удивляться, что он не склоняет ее? Насмешка над ним – чистая неблагодарность с твоей стороны, потому что Гилфорд Уорвик делает честь твоим цветам.

– Я дала их ему только по принуждению. По-моему, топор палача больше подходит к шее этих непокорных, мятежных лордов, чем банты Тюдоров к их шлему. Смотрите, однако, паж Елизаветы отваживается кинуться в общую схватку. Он, наверно, свалится с лошади и запачкает свой красивый наряд.

– Вам не везет с вашими предсказаниями, – заметила леди Грей, когда в тот самый момент копьё Дадли обезоружило рыцаря и громкие клики одобрения приветствовали бурным взрывом храброго мальчика. – Кукла твердо сидит в седле, хотя у нее еще не успела вырасти борода.

Мария закусила губы и завистливо смотрела, как Елизавета самодовольно улыбалась гордой, торжествующей улыбкой, потому что к ней подвели победителя, которому король назначил приз. Таким образом младшая принцесса сделалась королевой праздника.

Генрих VIII был рад возможности присудить награду пажу, потому что не хотел отдавать предпочтения ни одному из лордов.

– Елизавета, – сказал он, – мы приписываем чарам твоих прекрасных глаз, что этот паж совершал сегодня чудеса. Повесь ему на плечи почетную награду, а мы дадим ему место за нашим столом возле тебя, потому что он сражался как доблестный рыцарь.

Дадли спрыгнул с лошади и поднялся по ступеням эстрады. Он преклонил колено перед прекрасной принцессой; его лицо сияло счастьем и гордостью, и, конечно, никогда еще столь юная и прекрасная голова не была украшена почетной наградой за храбрость.

Елизавета выпрямилась; ее глаза также сияли торжеством; задорной бойкости и безумной отваге этого мальчика была она обязана тем, что Мария понесла наказание за свою насмешку, а шутка короля, оскорбившая ее тщеславие, закончилась для нее крайне лестным финалом.

VI

В кругу придворных дам сидела Бетси Килдар. Она безучастно следила за турниром; ее мысли были заняты умершим; однако молодая девушка невольно улыбнулась при виде счастливого пажика возле принцессы, которая еще недавно называла Уорвиков бунтовщиками. Но от нее не ускользнуло также, каким взором ядовитой ненависти смотрела Мария на свою сводную сестру, как она с рассчитанной, оскорбительной холодностью повернулась спиной к Гилфорду

Уорвику и взяла под руку своего брата, как будто была обязана вести его. Гилфорд покраснел с досады, но Джейн Грей также заметила поведение своей кузины и, робко улыбнувшись, взяла его под руку, точно желая утешить обиженного.

Случай или судьба устроили так, что здесь столкнулись партии, которым предстояло в недалеком будущем вступить между собою в беспощадную борьбу на жизнь или на смерть. Джейн Грей оперлась на мускулистую руку сильного мужчины; ею как будто овладело смутное предчувствие, что наступит время, когда эти ядовитые взоры принцессы Марии сделаются опаснее, чем сегодня. Гилфорд глубоко заглянул в глаза красавицы и шепнул ей тихонько:

– Леди Джейн, я носил цвета принцессы Марии на шлеме, а ваши – в сердце.

Джейн Грей покраснела, потупилась и ответила тихим, дрожащим голосом:

– Сэр, моя кузина раскается, что не приняла вашей руки, когда узнает, что вы умеете быть любезным кавалером.

– Благодарю вас за эту лесть, леди Джейн! Я не мастер по части красноречия, но на мои слова можно положиться.

– Тогда объясните мне, как это вышло, что ваш отец внезапно превратился в царедворца, что Уорвиков видят здесь в шелковых одеяниях?

– Прекрасная леди! – воскликнул Гилфорд Уорвик. – Если бы я отвечал на каждый вопрос, тогда было бы безрассудно всегда говорить правду.

Джейн улыбнулась и, сочувственно кивнув, шепнула ему:

– С меня этого довольно; ведь я расспрашиваю не из любопытства, но чтобы напомнить об осторожности. Король отличал уже многих своим благоволением, щедро осыпал почестями, но это было не всегда знаком его милости.

Гилфорд украдкой пожал руку молодой девушки, которая выказывала ему такое сердечное и невинное доверие, и произнес:

– Не беспокойтесь, мой отец бдителен! Но тем не менее ваше доброжелательное предостережение заслуживает горячей благодарности. Отец должен узнать, какого благородного друга приобрел он в вашем лице при дворе, а мне вы позвольте вместо этой ребяческой потехи надеть себе на шлем знак, который покажет всему миру, что я готов отдать жизнь за прекраснейший цветок Англии!

С этими словами Гилфорд сорвал бант, полученный им от принцессы Марии, и хотел швырнуть его прочь.

Но Джейн Грей схватила его за руку и строго воскликнула:

– Без глупостей, сэр! Неужели вы хотите смертельно оскорбить дочь короля?

Тут она снова укрепила бант на шлеме. Но она не успела сделать это настолько проворно, чтобы скрыть происшедшее от принцессы Марии, потому что шествие достигло праздничного зала, а принцесса Мария уже передала своего маленького брата на руки воспитателю.

Багровая краска гнева залила лицо принцессы, когда Джейн Грей, предупредив Гилфорда, несвязно извинилась перед нею, что только туже завязала бант, распустившийся в рукопашной схватке на турнире. И хотя Мария преодолела свою досаду, однако Джейн не сомневалась, что обида тем больнее уязвила ее. Сознывая свою невзрачность, старшая принцесса завидовала всякому знаку внимания, оказанному ее родственнице, и если она сама холодно обошлась с Гилфордом, то все же имела право обидеться на него, потому что он, по общепринятому обычаю, должен был оставаться ее кавалером на весь день.

Сердце женщины – загадка. Как раз в тот момент, когда принцесса Мария нашла причину явно обнаружить свое нерасположение к Гилфорду, она почувствовала, что он достоин женской любви, и пожалела, что упустила случай, которым воспользовалась Джейн Грей. По ее мнению, было легко завладеть сердцем мужчины, который уже несколько лет не появлялся при дворе и вел однообразную жизнь охотника и воина в укрепленном пограничном замке. Теперь у принцессы Марии открылись глаза на благородство в его серьезных чертах, на соразмерность

высокой, сильной фигуры, и хотя бы здесь дело шло только о том, чтобы превзойти Джейн Грей в любезности, то и этого было для нее достаточно, чтобы пустить в ход все уловки с целью сделать этого мужчину с воловьей шеей чувствительным к ее прелестям и вызвать восхищение на этом мрачном лице.

Она подала Гилфорду руку, чтобы он повел ее к столу, и в своем нетерпении одержать победу стала осыпать самыми лестными похвалами его сына, спрашивала, давно ли он вдовее, как живет и не чувствует ли потребности жениться вторично. Принцесса забрасывала его вопросами тем настойчивее, чем односложнее он отвечал, так что со стороны можно было подумать, что они оба приятно проводят время за столом в интересной беседе.

Король, усердно осушавший бокал за бокалом, должно быть, заподозрил, что Гилфорд питает честолюбивые виды, и, внезапно прервав разговор, воскликнул:

– Сэр Дадли! Мне говорили, будто вы враг женщин, но – черт возьми! – вы ухаживаете за ними как француз!

– Ваше величество, – ответил Гилфорд, – красота – это чародейка, которой нельзя противиться. Но, к сожалению, я не заслуживаю похвалы, которой вы хотели удостоить меня, потому что принцесса Мария тщетно старается прийти на помощь моей робости в этом отношении и попытаться у меня, кто та красавица, чья стрела глубоко вонзилась мне в сердце сквозь доспехи.

При первых словах принцесса Мария покраснела, потому что король насмешливо улыбнулся, когда Гилфорд превозносил красоту; она сомневалась не меньше своего отца, чтобы ее кавалер мог подразумевать здесь только одну ее; но смелость его речи была почти так же оскорбительна, как обиден тон, и принцесса испугалась при виде жилы на лбу короля, вздувшейся от гнева. Она хотела уже прийти на выручку Гилфорду и в шутку заметить, что застенчивость так сильно смущает его, что он говорит вздор, но Генрих не дал ей времени на это.

– Черт возьми! – загремел он. – Неужели сын лорда Уорвика хочет похвастаться, что одна из Тюдоров домогается его руки?

– Ваше величество, – возразил Гилфорд с полным спокойствием, которое тем сильнее поразило Марию, что она ожидала еще большего замешательства со стороны своего кавалера при гневной вспышке короля. – Я полагаю, что имею право просить даму, бант которой мне дозволено сегодня носить, о милости ходатайствовать за меня перед вашей высочайшей особой.

– А, так, значит, это было лишь вступлением к вашей речи? – подхватил успокоенный Генрих. – Сейчас видно, что вы не учились в школе, потому что вам недостает ясности языка. Но, – с досадой продолжал он, чувствуя, что подверг насмешкам дочь, – нам также не по душе, когда один из наших дворян ищет посредников, как будто мы закрываем свой слух для тех, у кого есть к нам просьба. В наказание за такой недостаток доверия я не хочу ничего слышать о ней теперь.

Принцесса Мария была так горько разочарована словами Гилфорда, ее недолгое заблуждение было рассеяно так грубо, что она была готова расплакаться от бешенства, если бы стыд не подсказывал ей, что ее слезы послужили бы к тем большему триумфу Джейн Грей. Но как в эту минуту ее пальцы судорожно теребили и разрывали кружевной платок, так ее ненависть клялась некогда уничтожить Джейн, если бы судьба со временем дала ей в руки власть отомстить за себя.

Генриху VIII было достаточно лишь бросить взор на свою старшую дочь, чтобы угадать происходившее в ее душе. Марии не везло на женихов; уже три предполагавшихся брачных союза потерпели неудачу, и нельзя было ожидать, чтобы ее прелести заставили кого-нибудь из пэров Англии просить ее руки. Если бы Гилфорд сделал скромное предложение в надлежащее время, то Генрих, конечно, не ответил бы ему отказом, но, может быть, еще обрадовался бы случаю привязать могущественный род к своему трону. Тем более должно было раздосадовать

Генриха, что он ошибся в своем предположении и навлек на свою дочь обидные насмешки. Он подал знак вставать из-за стола и, подозвав к себе Гилфорда, сказал с особенным резким ударением, которое было свойственно ему в минуты раздражения:

– Я понял из ваших слов, что вы любите даму, рукою которой я не так легко могу располагать; значит, то, чего вы домогаетесь, является уже милостью, и вы должны заслужить ее, прежде чем я выслушаю вашу просьбу. Вы безотлагательно отправитесь к моим войскам, стоящим на шотландской границе. Я выбрал невесту моему сыну, Марию Стюарт, и желаю заняться ее воспитанием. Но в Эдинбурге медлят доставить ее сюда. Я хочу, чтобы вы потребовали добром или силой от лорда-протектора Шотландии принцессу Марию Стюарт... Вы вернетесь обратно не иначе как с царственной малюткой, хотя бы для этого вашим солдатам пришлось взять приступом замок Стирлинг и вскинуть детскую колыбель на свое седло. Наследница Шотландии сделается женой моего сына Эдуарда, принца Уэльского, или потеряет свое наследство. Я не желаю, чтобы у меня на острове явился сосед-француз. Гизы уже затеяли интриги, примите это к сведению. Вы отвечаете мне своей головой за то, что принцесса Мария Стюарт прибудет в Лондон, живая или мертвая.

Гилфорд почтительно поклонился; против такого приказа было немыслимо никакое возражение.

Мария Тюдор с улыбкой злорадного торжества взглянула на леди Грей, которая побледнела при последних словах короля: «Вы отвечаете мне за это головой!»

Здесь необходимо сделать краткий обзор тогдашнего положения Шотландии, прежде чем продолжать наш рассказ или, точнее, начать его, потому что до сих пор мы только представили читателю действующих лиц нашей драмы, принимавших непосредственное участие в ее развитии.

VII

Первый Стюарт, вступивший на шотландский престол и основавший династию, был обязан королевской короной своей супруге, внучке великого Роберта Брюса; шотландской короне, как предсказали Банко форреские ведьмы, было суждено достаться Стюартам через женщину и через женщину быть утраченной.

История этой династии мрачна. Красивый, легкомысленный герцог Ротси, сын Роберта III, был первым, кого постиг злой рок Стюартов. Его дядя Олбени, которому надлежало наследовать корону, если бы Ротси умер бездетным, велел напасть на него во время его проезда через графство Файф и доставить царственного пленника к нему в замок. Тут он запер пленника в тесный подвал с решеткой и обрек его на голодную смерть. Лишь на пятую ночь одна женщина случайно услышала жалобные стоны несчастного; она стала тайком носить ему пищу, однако же десять дней спустя это было открыто, и женщину арестовали. Так как она не смела покинуть замок, а из страха перед Олбени не решалась пожаловаться на убийцу его обитателям, то преступление осталось необнаруженным, пока тело принца не было извлечено из подвала. Врача принудили признать, будто принц скончался от горячки. Слабохарактерный король не захотел потребовать к суду родного брата по обвинению в убийстве, но отправил своего младшего сына во Францию, желая предохранить его от подобной «горячки». Корабль, на котором плыл этот принц, попал в руки англичан, и наследника Шотландии держали пленником в Лондоне до тех пор, пока, по смерти Олбени, он не был выкуплен его братом.

Во время деспотического регентства Олбени и его слабодушного брата шотландские дворяне расширили свое могущество и часто в своей заносчивой гордости жестоко угнетали население страны. Один предводитель клана, по имени Мак Дональд, ограбил однажды одну вдову; когда же она пригрозила, что пожалуется королю, то он ответил ей на угрозу: «Дорога туда длинна; поэтому не мешаешь подковать тебе ноги железом». Мак Дональд позвал кузнеца и велел

ему прибить башмаки к ногам вдовы гвоздями. Вылечившись, пострадавшая явилась к королю Иакову I и пожаловалась ему на свою обиду, как и на всеобщее бедствие в Шотландии. Тогда король Иаков выступил в поход против Мак Дональда, взял его в плен и велел отрубить ему голову; но, когда он вздумал поступить с такою же строгостью с прочим знатным дворянством, самые могущественные из шотландских лэрдов восстали, и началась ожесточенная борьба. Сэр Грэхем напал ночью на замок короля с наемными убийцами, и когда Екатерина Дуглас, фрейлина королевы, продела свою прекрасную руку в дверные скобы, откуда был вытасчен засов, то презренные злодеи сломали этот редкостный запор и, бросившись со своими кинжалами на злополучного короля Иакова, закололи его.

Супруга Иакова I приказала преследовать убийц, которые были узнаны, несмотря на маски. Грэхема подвергли жестокой казни. С него с живого сдирали мясо острыми щипцами и прекратили ненадолго это мучительство лишь для того, чтобы тут же обезглавить его сына; после того принялись снова соскабливать у него мясо с костей и продолжали это, пока он не испустил дух в ужасных страданиях.

На трон вступил сын умерщвленного короля, Иаков II, но и он не мог положить конец междоусобию. Арчибальд Дуглас соединился с Гамильтонами против монарха, когда тот отнял у него занимаемый им важный государственный пост; он выступил в поход против короля и подвергал жестокому мщению дворян, хранивших верность своему государю. Наконец последний пригласил Дугласа на свидание, обеспечив ему полную безопасность. Дуглас положился на королевское слово и пришел на условленное место; когда же он не захотел уступить и подчиниться, король обнажил кинжал, и его приближенные умертвили первого лэрда в государстве. Сторонники Дугласа привязали королевскую охранную грамоту к хвосту кобылы и принялись грабить королевские замки. Число мятежников росло, а власть короля ослабевала. Иаков II уже собирался бежать, но тут архиепископ Сент-Андре напомнил ему одно старинное предсказание и посоветовал положиться на него.

Это предсказание гласило: «Падут Дугласы только от меча Дугласа, когда на рыжего восстанет черный».

Старейший Дуглас младшей линии был рыжеволос; архиепископ советовал королю привлечь его на свою сторону и через это осуществить пророчество. Иакову II действительно удалось переманить рыжего Дугласа в ряды своих приверженцев и прогнать черноволосого. Однако при осаде одного укрепленного замка произошел взрыв орудия, и король был смертельно ранен осколком. Его вдова с восьмилетним сыном встала во главе войск. Замок был взят приступом; его разрушили и сровняли с землей.

Новый король, вступивший на престол под именем Иакова III, приказал умертвить своего брата, графа Марра, из боязни, что тот посягнет на его корону; второй его брат бежал. Дворянство восстало также и против этого государя, взяло в плен его любимцев и принудило короля предать их казни. Когда он собрал войско, чтобы наказать мятежников, оно было разбито; король упал с лошади во время битвы и был умерщвлен, когда его перенесли в крестьянскую хижину.

Сын его Иаков IV вступил на престол и женился на красавице Маргарите, дочери Генриха VII, короля английского; этому браку надлежало в будущем дать Стюартам права на английский трон. Напуганный, но не умудренный судьбой своих предков, Иаков IV вступил в сделку со своими непокорными вассалами и искал мира с Англией. Однако преемник Генриха VII, английский король Генрих VIII, дал ему заметить свои завоевательные планы, и тогда Иаков IV заключил союз против него с Францией и объявил Англии войну.

Этот день был решающим для судеб Стюартов. В предостережениях не было недостатка. Несколько ночей подряд слышался голос, исходивший от Эдинбургского креста и призывавший короля и знатнейших лэрдов по именам и титулам явиться через сорок дней на суд Божий. Король не хотел поддаваться запугиваниям, но отворил в полночь окно и слышал сам

голос, хотя крест отстоял от его дворца на четверть мили. Мало того: когда он однажды слушал обедню в линлитгонской церкви, позади него внезапно появился старец величественного роста, облаченный в длинное одеяние синего цвета, опоясанный кушаком, обутый в сандалии, с длинными волосами, которые отливали золотом, и воскликнул важным, торжественным тоном:

«Иаков, я – евангелист Иоанн Богослов и пришел от имени Пресвятой Девы Марии, которая особенно благоволит к тебе, чтобы запретить тебе затеянную тобою войну, потому что ни ты сам и никто из твоей свиты не вернется с нее обратно. Далее предостерегаю тебя от женской красоты, потому что тебе она принесет позор, а дому твоему бедствие».

Король Иаков посмеялся и над этим предостережением, как над всеми прочими; он перешел английскую границу со своим войском и овладел несколькими замками. Но, когда он завоевал замок Форд и расположился в нем на ночлег, прекрасная владелица замка соблазнила его остаться у нее. Пока Иаков IV наслаждался в ее объятиях, подросел граф Сэррей с английским войском. Супруг этой обворожительной Армиды, завлекшей короля в свои сети, бастард Герон Форд, завел английское войско в тыл шотландцев; закипел бой и окончился поражением последних. Король был уже окружен. Однако тут на выручку ему подросел лорд Босуэл с отрядом; они устроили вал из копий вокруг монарха и защищали его до тех пор, пока английские алебардисты не перебили их одного за другим. Король лежал раненый среди трупов своих верных защитников до наступления ночи. Когда же стемнело, то появились, по старинному сказанию, четверо рыцарей в черных доспехах, на черных конях, подняли короля и перенесли в Шотландию. Он был погребен не в священную землю, потому что подлежал папскому проклятию за предпринятую им войну с Англией.

Когда весть о смерти короля Иакова IV дошла до Эдинбурга, городские власти выпустили следующую оригинальную по своему изложению прокламацию:

«По поводу того, что нами только что получено хотя еще и не удостоверенное известие о несчастье с королем и его войском, мы советуем и приказываем в случае надобности всем жителям привести в порядок свое оружие и держаться наготове по первому удару в колокол собираться, чтобы отразить всякого врага, который сделал бы попытку проникнуть в наш город. Запрещаем сим в то же время женщинам из простонародья и бродягам всякого рода с воплями и стенаниями наводнять улицы, тогда как сим приглашаем также почтенных женщин отправиться в церковь, чтобы помолиться за короля и наших родных, друзей и соотечественников в рядах королевского войска».

Вдова короля Маргарита приняла на себя регентство за своего двухлетнего сына (Иакова V); она заключила мир с Англией, но влюбилась во внука старого Дугласа и вышла за него замуж. Этот выбор вызвал вновь междоусобную войну, потому что завистливые лэрды не прощали Дугласу столь высокой чести. Они соединились под знаменем Гамильтонов против него и разбили наголову его приверженцев в сражении под Эдинбургом. Маргарита была несчастлива в супружестве; она развелась с Дугласом и вступила в третий брак с молодым человеком, Генрихом Стюартом, который не пользовался никаким влиянием. Это замужество довершило ее недобрую славу в народе строгой нравственности. Дуглас похитил от Маргариты сына и от его имени вел регентство, но воспитал его так, что сделал из него рыцаря-бойца.

По прошествии пяти лет врагам Дугласа удалось освободить Иакова V; тот немедленно объявил Дугласов государственными преступниками, обрек их на изгнание и так энергично расправился теперь с шотландским дворянством, что, по его словам, на межах стало достаточно кустарников, чтобы стеречь коров. Он бродил переодетый по всей стране, чтобы вникать в народные тяготы и устранять их, чем приобрел такую горячую любовь своего народа, что граф Этол, угостив у себя однажды короля, поджег свой замок, чтобы зарево пожара освещало дорогу царственному гостю на обратном пути.

Генрих VIII Английский тем временем принял протестантскую веру и пытался насадить ее также и в Шотландии. Он предложил шотландскому королю руку своей дочери Марии

Тюдор, если тот примет английскую веру, однако Иаков отверг это предложение и женился на Марии Гиз, фанатической католичке. Однако многие шотландцы перешли в новую веру и твердо держались ее наперекор преследованиям. Дворяне также примкнули к королю, когда Генрих VIII объявил ему войну за то, что Иаков V отказался от свидания с ним; но они покинули войско, когда Иаков вздумал вторгнуться в пределы Англии, так как подняли оружие только на защиту Шотландии. Это отпадение и смерть двоих сыновей повергли короля в такое уныние, что он схватил горячку и скончался несколько дней спустя.

Когда он лежал на смертном одре, его супруга разрешилась дочерью. Когда Иакову V показали новорожденную малютку, он воскликнул страдальческим тоном:

«Через дочь досталась Стюартам корона, через дочь Стюарты и потеряют ее!»

Это дитя, которому было положено в колыбель такое печальное пророчество, является героиней нашего рассказа и носило имя Мария Стюарт. Клевета, которой предстояло придавить ее могилу, стояла уже у ее колыбели: Генрих VIII заставил мать Марии обещать ее руку его сыну, принцу Уэльскому, в то время шестилетнему мальчику. Но вдруг распространилась молва, будто принцесса Мария родилась с физическими недостатками. Тогда ее матери пришлось положить ее голую на ковер, чтобы английский посол мог убедиться в нормальном сложении девочки.

Мать девочки, Мария де Гиз, была настоящей Гиз: недоверчивой к королям, фанатичной в своей религии. Она приказала перевезти свою маленькую дочь в укрепленный замок Стирлинг, а когда Генрих VIII все настоятельнее стал требовать ее к себе, то Марию перевели из замка в укрепленный монастырь, построенный на острове, посреди Ментейтского озера. Тут же королева завела тайком переговоры о том, чтобы выдать свою дочь, невесту принца Уэльского, за дофина Франции.

Получив известие об этих переговорах, Генрих VIII послал войско под предводительством герцога Сомерсета, чтобы разбить шотландцев и привезти принцессу Марию Стюарт в Лондон. Мы видели, как он возложил последнее поручение специально на Гилфорда Уорвика, и снова беремся теперь за прерванную нить нашего рассказа.

Глава 3. Кабачок «Красный Дуглас»

I

Старый граф Уорвик поручил Роберта Сэррея заботам своего верного слуги еще ранее того, как вернулся в Лондон из Уорвик-кастла, и едва только было отправлено письмо Сэррея королю Генриху, оба они поскакали по направлению к шотландской границе.

– Послушайте-ка, – начал старый Томас Мортон, как звали провожатого Роберта, – мне не очень-то нравится, что вы собираетесь сражаться вместе с этими голоногими парнями против своих соотечественников, а когда я подумаю, что и мне может прийтись скрестить с вами в бою шпаги, то боюсь, как бы в пылу сражения я не увлекся и не познакомил вас слишком хорошо с моим искусством в ратном деле!

Этот разговор происходил утром того дня, когда они уже скакали по шотландской земле.

– Не беспокойтесь, старик, – ответил Роберт, – уж я как-нибудь вывернусь бы и не оказался бы в долгу. Но Уорвик не отправится в поход под знаменем короля Генриха.

– Вот как? Вы уверены в этом?

– Да разве в этом случае граф дал бы мне письмо к графу Аррану?

– Да хранит Господь ваше наивное сердце! Вы плохо знаете нашего лорда, если думаете, что ради вас он заключит дружбу с шотландцами. Он ненавидит их как истинный англичанин, и стоит ему переехать через Твид, как он немедленно обнажит меч против шотландцев.

– Ошибаетесь, Мортон, этого не может быть. Лорд Уорвик обошелся со мной как родной отец и не потребует, чтобы я покинул тех, кому однажды принес присягу в верности. А это обязательно случится, раз я увижу против себя знамена Уорвика!

– Вот об этом-то я и говорю с вами! – воскликнул Мортон. – Не очень-то отдавайтесь душой вашим шотландским господам. Вы ищите убежища, и больше ничего. Поэтому немедленно повернитесь к ним спиной, как только в Англии воздух несколько прочистится!

– Это значило бы отплатить неблагодарностью за гостеприимство!

– Ну-ну, не горячитесь так! Уорвик никогда не потребует от вас того, что принесло бы с собой бесчестие. Какое вам дело до шотландцев, раз вы поступите просто пажом к принцессе Марии? Ведь она – невеста принца Уэльского!

Роберт покачал головой. Его прямота не мирилась с тем, что он должен будет смотреть как на врагов на тех самых людей, которые окажут ему гостеприимство. Но не было времени продолжать расспрашивать далее и разузнавать, не получил ли старый слуга от самого Уорвика тайный наказ преподавать эти наставления; навстречу им показался блестящий кортеж рыцарей, быстрым карьером спускавшихся с холма.

– Вот и граф Арран! – воскликнул Мортон. – Соберитесь с духом, чтобы вы могли прямо и бесстрашно смотреть ему в глаза. Я узнаю его цвета по зеленым камзолам и черным перьям.

Роберт Сэррей с любопытством и напряженным ожиданием смотрел на могущественного рыцаря, который, сидя на черном словно уголь коне и будучи одет в черные доспехи, остановился в нескольких шагах от него и спросил Мортон, что могло заставить слугу Уорвика переехать через границу.

Старик обнажил голову и достаточно обстоятельно передал поручение своего господина.

– Ладно, ладно! – перебил его граф Арран. – Благородный лорд посылает ко мне этого красивого мальчика для забавы принцессы? Передайте ему мой привет и скажите, что я оставляю мальчика и пошлю его в Инч-Магом. Надеюсь, там-то он будет в безопасности от этого мясника Генриха! – С этими словами граф отпустил Мортон, дав Сэррею знак подъехать

ближе, спросил его: – Вы еще в состоянии проехаться верхом или очень устали? В таком случае вам придется обождать здесь, на дороге, пока я вернусь.

– Милорд, – ответил Роберт, – я привык гонять лошадей до тех пор, пока они, а не я, будут в изнеможении!

– Тогда следуйте за мной, да смотрите же – не хныкать, если вы просто прихвастнули!

Вся кровь бросилась Роберту в лицо, и он быстро очутился рядом с графом, когда тот дал шпоры своей лошади.

– Граф! – сказал он. – Если в Шотландии существует обычай, чтобы юные дворяне хныкали от усталости во время верховой езды, то я покажу вам, как ездят верхом английские мальчишки.

Граф сморщил лоб от такой смелой речи, но ответ все-таки понравился ему.

– Я не говорил ни о шотландцах, ни об англичанах, мальчик! – произнес он. – При Сольвэй-Мос им пришлось достаточно познакомиться друг с другом. Но я говорил о хороших молодчиках, которые не прочь откармливаются в женских покоях и декламировать стишки. А вы, очевидно, жаждете этого, так как чего бы вам искать иначе в Инч-Магоме?

– Клянусь Богом, милорд, если граф Уорвик написал вам, что я не гожусь больше ни на что другое, то мне очень хотелось бы вернуться в Лондон, чтобы наказать его за ложь!

– Ах, вы, вероятно, потребовали бы от него удовлетворения? – полунасмешливо-полу-милостиво улыбнулся Арран.

– Милорд, чем я заслужил ваши издевательства? Разве позорно быть молодым и разве вы никогда не были юношей?

– В вашем возрасте я не был таким нескромным. Всегда звучит очень некрасиво, если человек, спасающийся бегством и собирающийся спрятаться за женские юбки, хвастается своей задирчивостью!

– Милорд, я бежал потому, что этого требовал от меня рыцарь, не менее храбрый, чем вы сами! – произнес Роберт. – Но мне никто не говорил, чтобы я искал здесь места, в котором я мог бы спрятаться от трусости! Я поклялся отомстить за моего несчастного брата, но лучше бы мне сидеть в Тауэре, чем слушать подобные упреки.

Граф испытующе посмотрел на мальчика и по его глазам увидел, что тот говорит совершенно искренне, вообще мальчик производил впечатление, что он не способен на лицемерие. Поэтому лицо графа стало проясняться все более и более, принимая благосклонное выражение.

– А золото-то кажется настоящим, хотя оно и английской чеканки! – пробормотал он. – Ну, не сердитесь! – громче продолжал он. – Не сердитесь, если я попробовал вас на зуб. Имя Уорвика очень хорошо, но часто бывает, что за границу переправляют гнилой товар под хорошим торговым клеймом. Ведь мы воюем с Англией, так что должны быть осторожны. Но теперь я готов верить вам: у вас слишком открытое лицо для шпиона.

– Милорд, если бы кто-нибудь другой осмелился высказать подобное подозрение...

– Так вы тут же бы потребовали от него удовлетворения? Ну, так что же? Начинайте, юный герой! – предложил граф Арран.

– Нет, милорд, – перебил его Роберт, весь красный от стыда и гнева. – Если бы кто-либо другой, а не вы, позволил себе сказать это, то я только пожалел бы, что он настолько не доверяет себе, раз боится шпионов. Вас же, могущественного лорда, я только спрошу, нужно ли графу Уорвику посылать шпионов во вражеский лагерь, и если да, то не нашел ли бы он кого-нибудь более полезного, чем мальчик, который способен только вызвать вас на поддразнивания, но которому вы, разумеется, не станете выдавать свои секреты?

– Хороший ответ! Я вижу, мы еще с вами будем добрыми друзьями, – улыбнулся граф. – Вы смелы, но умеете сдерживать сердце в надлежащих границах. Ну, что же, я откровенно говорю с вами. Я так же мало доверяю Уорвику, как и королю Генриху, хотя ничуть не думаю

задевать этим его честь. Уорвик – англичанин и в силу этого желает как раз обратное тому, чего желаем мы, шотландцы. Он просит меня дать вам убежище и принять в придворный штат принцессы. Это возможно. Но, спрашивается, какую роль будете вы играть там? Правда, Мария Стюарт – невеста принца Уэльского, но пока что мы еще намерены придержать ее у себя и очень благодарны королю Генриху за любезное предложение управлять Шотландией от ее имени. Поэтому вы можете сами видеть, что английский паж легко способен стать шпионом своего короля, не делая этим чего-либо заведомо нечестного, так как в лице Марии Стюарт он видит невесту наследника английского престола. Я же должен заботиться о том, чтобы Мария не имела ровно никаких сношений с английским двором, чтобы в Инч-Магом не смел проникнуть никто, способный содействовать похищению принцессы. Понимаете ли вы меня теперь? Имею я основания быть недоверчивым или нет?

– Милорд, у вас есть основания быть подозрительным, – ответил Роберт, – но мне кажется, что я могу легко поколебать сомнения. Король Генрих злодейски умертвил моего брата, равно как и двух своих жен, и если бы это была последняя нищенка на свете, я и то был бы готов защищать ее до последней капли крови, только чтобы она не попала в лапы к этому злодею!

– Я верю вам, иначе я молчал бы, – сказал старый граф, ласково кивнув Сэррею головой. – Но еще один вопрос: вы – протестант?

– Нет, мы с братом остались верными святой религии.

– Тем лучше, потому что в этом случае вас с особенным удовольствием примут в Инч-Магом.

– Милорд, вы испортили мне всякое желание быть там! – сказал Роберт. – Если там нечего больше делать, как только декламировать стихи, тогда мне скоро станет слишком тесно в замке!

– Этого не бойтесь! Там вам будет очень хорошо и в смысле безопасности, и в других отношениях. Против ваших соотечественников вы не захотите сражаться, да и к английским беглецам в народе относятся очень подозрительно. Но сделать то, что вы только что сказали, то есть защищать женщину от лап короля Генриха, вы отлично сможете, если только постоянно будете настороже. Хитрость крадется рядом с силой. Следите, чтобы к замку не приблизился какой-нибудь предатель, способный увезти принцессу, чтобы потом обоих поминай как звали! Я хотел сначала взять вас с собой в лагерь, чтобы лично отвезти вас в Инч-Магом; но я верю вам и потому отправлю вас туда прямым путем. Будьте верны нам, и я, Джеймс Гамильтон граф Арран, буду вашим другом и покровителем, как не избежать вам моей мести, если ваше лицо обманывает!

С этими словами граф кликнул одного из своих стрелков, шепнул ему несколько слов и приказал проводить Сэррея по Эдинбургской дороге.

Эти приказания были отданы с такой краткостью и самый тон разговора графа так изменился, что Роберт не решился противоречить и отправился с новым провожатым по указанной дороге.

Стрелок напевал какую-то песенку, и долгое время они скакали рядом в полном молчании, так как никто из них не начинал разговора. Только тогда, когда в тумане вырисовались колокольни и башни Эдинбурга, Роберт спросил, далеко ли от города находится Инч-Магом.

– На расстоянии полудня пути. Мы останемся ночевать в Эдинбурге.

– В таком случае выберите харчевню получше, стрелок, чтобы мы могли опорожнить с вами по бокалу вина за здоровье графа Аррана, – сказал Сэррей.

– Да сохранит его Бог и да поразит Он врагов его! Значит, вы вовсе не высокомерный английский дворянчик, который брезгует выпить с шотландцем?

Стрелок спросил это полувопросительным, полунасмешливым тоном.

– Клянусь честью, – ответил Сэррей, – я с большим удовольствием разделил бы с вами охапку сена в лагере, чем воспользовался бы постелью в Инч-Магоме!

– Неужто правда? – воскликнул шотландец с просиявшим лицом. – В таком случае я очень доволен ехать с вами вместе, и если вы хотите послушать доброго совета, то заедем со мной в харчевню «Красный Дуглас». Правда, там вы не встретите дворянчиков в шелковых штанах, зато найдете крепкий эль и кусок поджаренного мяса!

– Я с удовольствием отправлюсь с вами куда вам угодно.

– Решено! Только графу ни словечка об этом! Говоря между нами, цвета Гамильтонов не могут рассчитывать в «Красном Дугласе» на любезный прием. Но для меня там делается исключение. Кэт, крестница хозяина, – моя душенька!

– Так выпьем вторую кружку за здоровье вашей Кэт, а если я встречу там пару прекрасных глаз для меня, так опорожним и третью! – воскликнул Роберт.

– Э, да вы славный парень, хотя вы и англичанин. Вы не сердитесь, это только так, к слову сказать... Видите вот тот дом под большой липой? Это и есть «Красный Дуглас».

Стрелок пришпорил лошадь, и скоро они подъехали к харчевне.

Путешественники соскочили с коней и собрались было отвести их в конюшню, когда на пороге появился хозяин харчевни, который бросился к стрелку, как только узнал его.

– Это вы, Уолтер Брай? Уезжайте скорей, во имя Господа! Здесь Дугласы, в количестве двадцати всадников; они хотят подстеречь вас и поджечь мне дом, если я впущу вас!

– Вы с ума сошли? – воскликнул шотландец. – Однако что с вами? Ваш камзол разорван. Вы подрались с кем-нибудь?

– Спасайтесь, говорю вам! – сказал хозяин, робко оглядываясь по сторонам. – Дело идет о вашей жизни, а вы ведь одни!

– Вдвоем! – воскликнул Сэррей и вышел вперед.

– Я желаю знать, что здесь произошло! – сказал стрелок, не обращая внимания на Сэррея. – Хозяин, вы бледны и ваши глаза красны. Где Кэт, ваша крестница?

– Не спрашивайте, уезжайте с Богом, Уолтер Брай!

– Клянусь святым Дунстаном, я сначала должен видеть Кэт, и если какой-нибудь негодяй...

– Тише, не так громко, Уолтер! Вас услышат!

– Так говорите же!.. У меня кулаки дрожат от ярости. Где Кэт?

– Не спрашивайте, Уолтер, умоляю вас. Она недостойна того, чтобы вы спрашивали о ней!

– Недостойна? – спросил стрелок и схватил хозяина за шиворот. – Сейчас же говори или я ножом вырву эту ложь из твоего тела!

Хозяин оттолкнул его руки и произнес:

– Если от вас иначе не отделаешься и вы непременно хотите знать, так слушайте! Сегодня приехали дугласовские всадники. Вы ведь знаете, сэр Штротмур ухаживает за Кэт. Ее не было дома, и всадники высказали подозрение, что она побежала за вами. Я клялся, что она отцеживает эль к обеду. Тогда они принялись искать и нашли...

– Что? Да ну же, говорите! Что за пытку вы мне устраиваете!

– Нашли Кэт на сеновале с лэрдом Бэкли!

– Это неправда! – простонал Брай, задрожав всем телом. – Дальше!

– Лэрд удрал. Дугласовцы вытащили Кэт на улицу, срамили ее, говорили, что вы обольстили ее...

– Дальше! Дальше!

– Она на папистском столбе, они погружали ее в воду; я не мог ее защитить! – простонал хозяин, вытирая слезы на глазах.

Из харчевни послышались громкие голоса: посетители звали хозяина.

– Уезжайте! Скорей уезжайте! – крикнул он. – Они убьют вас и этого молодого барина, если заметят вас. Штротмур совсем с ума сошел от бешенства, а ведь их двадцать человек.

Напоминание о Роберте привело Уолтера Брая в себя. Словно пьяный, он неподвижно всматривался в пустое пространство перед собой, и его рука судорожно стискивала рукоятку меча. Теперь он вздрогнул, покачиваясь вскочил на лошадь и кивнул Роберту, чтобы тот последовал его примеру.

– Лэрд Бэкли! – тихо сказал он. – Ну так, клянусь Богом, он мне поплатится за это!

Когда оба всадника собирались выехать за ворота харчевни, дверь внезапно открылась и на двор высыпала орава парней разбойничьего вида, которые громко требовали хозяина. Брай дал шпоры коню и успел вовремя выехать за ворота, так как дугласовцы узнали его и кинулись припирять ворота, зарывчав:

– Это он! Рубите его!

– Ну, мы с вами еще увидимся! – с ироническим смехом ответил стрелок и в несколько секунд скрылся от преследователей.

Доехав с Робертом до рыночной площади, стрелок натянул поводья, пустил лошадь более тихим ходом и сказал Сэррею:

– Вот здесь находится харчевня, которую граф Арран назначил нам для ночевки. Будьте добры, обождите меня там. Если же до утра я не вернусь, то постарайтесь сами найти дорогу в Инч-Магом и дайте графу знать, что Дугласы убили меня.

С этими словами он хотел повернуть лошадь в сторону, но Роберт поскакал за ним и воскликнул:

– Что вы обо мне думаете! Неужели же вы предполагаете, что я способен оставить в минуту опасности своего товарища по путешествию одного? Что вы сделали бы для меня, если бы я был на вашем месте, то я сделаю и для вас!

Стрелок, нетерпеливо покачав головой, сказал:

– Благодарю вас! Но вам не следует помогать мне в том, что я задумал. Ступайте с Богом, мне некогда терять время!

С этими словами он дал лошади шпоры и поехал прочь.

Но Сэррей поскакал за ним следом. Такое приключение было ему по сердцу; ведь дело шло о том, чтобы освободить женщину и наказать дерзких оскорбителей, и, по его понятиям, было бы бесчестно не принять в этом участия.

II

Вдали от города было озеро, поверхность которого заросла камышом. Там находился так называемый «папистский столб», представлявший собой прочный, вбитый в дно железный шест. Он был устроен там мудрой городской полицией Эдинбурга, так как в то время очищающее омовение было в порядке дня и считалось крайне необходимым для ведьм, чародеев, сварливых женщин и упрямых папистов. Кроме того, везде в Европе излюбленным наказанием за преступление против общественной нравственности считалось погружение в воду, и ничто не доставляло достопочтенным гражданам и их женам такого удовольствия, как зрелище погружения какой-нибудь злосчастной ведьмы или бедного католика в глубокую и смрадную лужу. А так как в большинстве случаев подобного рода наказания постигали католиков, то столб и прозвали «папистским столбом». В это озеро сваливали все отбросы и нечистоты города, так что погружение было столь же опасным, сколь и отвратительным.

Несчастных осужденных привязывали к столбу, пока коршуны не расклевывали их тела, если только какая-нибудь сердобольная рука не освобождала их. Но последнее случалось в самых редких случаях, потому что тот, кто однажды стоял у этого столба, считался навеки обесчещенным и прикосновение к нему могло быть только позорным. Смерть была самым счастливым уделом для такого несчастного, потому что ни под одной честной кровлей он не мог бы уже найти себе приют; ему оставалось только скрываться в лесу или же спрятаться у

женщины, считавшейся колдуньей. Но и там ему пришлось бы каждую минуту дрожать, чтобы не стать опять жертвой народной ярости.

Всего этого даже и не подозревал Сэррей, когда следовал за стрелком в темноте наступающего вечера.

С холодным и бледным отсветом солнце скрылось за вершиной Корсторфина, и густой туман окутывал пустынное болото. Таинственная тишина нарушалась только неприятным журчанием воды да карканьем воронья, кружившегося над камышами.

Стрелок Брай спрыгнул с коня, привязал поводья к терновому кусту и, вынув из ножен меч, зашагал по обрывистому берегу к тому месту, где стоял папистский столб.

– Кликните меня, если я вам понадобится! – крикнул ему Сэррей. – А пока я побуду здесь и постерегу. Если кто-нибудь появится в виду, я свистну вам. Только смотрите, не осуждайте ее, не выслушав, так как вспомните, что она пострадала от ваших врагов.

Роберт сказал последнюю фразу с легкой дрожью; невольная жуть, которую навеяла на него эта покрытая зловонными испарениями местность, заставила его почувствовать злейшую досаду, что в данном случае дело идет не о спасении Кэт, а об акте мести.

Его слова попали в цель. Брай даже не подумал о том, что Кэт могла быть невиновной; только жажда мести переполняла его сердце.

Он кивнул Сэррею и зашагал вниз по пустынной дороге, по которой обыкновенно ходили только палачи, тогда как народ с обрыва любовался на приведение казни в исполнение.

Сэррей не мог преодолеть любопытства; он подошел к самому краю обрыва и заглянул вниз. Там он увидел колоссальный столб, окруженный стаями коршунов и воронов; что-то копошилось у столба, испуская жалобные стоны. Ужас пробежал по его телу; ведь там была прикована железными цепями слабая женщина, обреченная мучительной смерти, женщина, которая в худшем случае была виновата только в том, что вняла обольстительным словам мужчины.

Какая-то темная тень приблизилась к столбу; послышались шепот и громкий стон радости. Очевидно, женщина, потрясенная боязнью страшной смерти, уверилась в своем спасении и с радостью внимала голосу любимого человека.

Сэррей облегченно вздохнул, но продолжал смотреть, дрожа всем телом от ожидания. Этот возглас доказывал, что прикованная женщина была еще жива и в силах спастись бегством.

Но острый слух Роберта расслышал также и другой шум, словно по земле стучали копыта... Может быть, это ехали дугласовские всадники, чтобы вырвать из рук стрелка его жертву? Ведь Брай говорил: «Если я не вернусь до утра, значит, Дугласы убили меня». Уж не отгадали ли они, куда направился стрелок? Или это только слух обманывал его?

Нет, слух не обманывал Сэррея – от городских ворот двигались какие-то темные тени.

Роберт свистнул, сначала тихо, потом громче и взглянул вниз: столб был пуст – стрелок давно уже развязал веревки и взвалил возлюбленную на свои плечи. Но ему надо было еще минут пять, чтобы взобраться на обрыв, а удары копыт раздавались все громче и громче, и каждая секунда промедления несла с собою вечную гибель.

Сэррей отвязал лошадь стрелка, вскочил на своего коня, которого держал за поводья, и, подъехав к самому краю обрыва, крикнул:

– Дугласовцы! Торопитесь, они приближаются!

Стрелок кряхтел под своей ношей и уже достиг края обрыва. Но вдруг до него донесся радостный рев: всадники заметили и узнали Сэррея и теперь изо всех сил погнались коней, и уже ясно виднелись их султаны. Но и стрелок тоже уже был у своей лошади.

– На коня! На коня! – крикнул Сэррей, обнажая меч.

Но не хватало ли стрелку силы, чтобы взвалить спасенную на лошадь, или он подумал, что спасение невозможно, только на один момент он нерешительно оглянулся вокруг.

– Слезайте! – крикнул он вдруг Роберту, подтягивая свою лошадь к отвесному краю. – Следуйте за мной, и если произойдет обвал, так тем лучше.

Сэррей повиновался, но нечаянно споткнулся и упал; по счастью, он успел выпустить поводья, так что лошадь не увлекла его за собой. Секундой позже ему показалось, словно над ним с треском пронеслись, обрушиваясь, целые скалы; облако пыли закрыло все от его глаз, раздались крики и стоны, что-то падало, словно камни, с обрыва и с плеском хлопалось в воду.

Роберт взглянул и увидел, что стрелок стоял на коленях шагах в двадцати от него на краю обрыва, натягивая тетиву лука, а когда он встал, то заметил на краю пропасти остолбеневших от испуга троих всадников. В этот же момент стрела Брая скользнула с тетивы и впиалась одному из всадников в лицо. С криком боли всадник свергнулся с лошади, а двое остальных обратились в ужасе в самое позорное бегство.

Страшный план, придуманный стрелком для их спасения, удался на славу. Всадники, полупьяные от выпитого эля, на полном ходу попали в пропасть, близости которой не ожидали, так как лошади врагов стояли на самом ее краю, да и туман скрывал собой глубину. Большая часть их свалилась вниз; только троим удалось в самый последний момент удержать лошадей на поводу, но и из этих троих одного убила стрела Брая. Вместе с тем стрела, пущенная невидимой рукой – потому что из-за тумана они не могли видеть стрелка, – довела их ужас до бесконечных пределов, и они пустились в бегство, объятые паническим страхом. Лошадь Сэррея тоже свалилась в пропасть. Но Браю удалось схватить за поводья лошадь убитого им всадника. Он протянул эти поводья Сэррею, затем снова ввел свою лошадь на самый верх и только потом уже принес на руках лежавшую без чувств девушку, которая во время всей этой передряги замертво упала к его ногам.

Глубоко внизу журчала вода и каркали вороны; слабые стоны и громкие крики о помощи доносились снизу, но стрелок даже и не думал помочь им. Да и Сэррей тоже стал глухим к этим стонам и крикам, когда увидел спасенную.

Девушка была совершенно обнажена и тихо вскрикнула, когда Брай закутал ее в свою мантию. Кровавые полосы от ударов бича палача были расклеваны воронами, и все тело девушки представляло собою сплошную окровавленную массу. Когда Брай взваливал ее на лошадь, то девушка при малейшем прикосновении или толчке издавала стоны, от которых Сэррей до мозга костей охватывало бешенство на истязателей этого нежного создания.

Брай направил коня не в город, а пустил его далее по краю обрыва. Ни он, ни Сэррей не говорили ни слова; ужасная сцена, которую им только что пришлось пережить, и их чудесное спасение достаточно занимали все их мысли. Проскакав несколько сотен шагов, они выехали на свободную равнину, разделенную на отдельные поля валами, между которыми проходили рвы. Вода последних светилась отблесками лунного света, и казалось, словно обширное болото было покрыто серебряными полосками. Среди камышей и терновника танцевали блуждающие огоньки; не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, только лошадиный топот да тихие стоны несчастной нарушали таинственную тишину.

Проскакав около часа по границе болота, Брай и Сэррей со спасенной девушкой доехали до развалин старого монастыря. Стена обвалилась, и камни заросли высокой травой. Хотя казалось, будто здесь уже несколько столетий как замерла всякая жизнь, но стрелок все-таки соскочил с лошади, вошел во двор развалин, прошел через разрушенные ворота и три раза постучал рукояткой меча во вмазанную у стены дужку.

Прошло около пяти минут, а затем Сэррей услышал голос, словно выходивший из могилы:

– Кто тут?

Вместо ответа Брай еще раз ударил по железу.

– Откройте, мамаша Джил! – нетерпеливо крикнул он. – Это я, Уолтер Брай из Дэнсфорда.

Длинная, худая фигура внезапно вынырнула перед ними, и Сэррею показалось, что она появилась словно волшебством из мрака, так как он не видел не только какой-нибудь двери, но и вообще какого бы то ни было отверстия, из которого она могла бы явиться.

– Что вам нужно, Уолтер Брай? – спросила старуха. – В уме ли вы, что приводите ко мне какого-то болвана, который начнет рассказывать людям, что в аббатстве живет старая ведьма? Вы хотите, чтобы я и вас прокляла, как других?

– Не ворчите, Джил, у моего приятеля такое храброе сердце, какого только можно пожелать мужчине. Но впустите же нас в свою пещеру! Нам нужны огонь и еда.

Старуха хрипло рассмеялась, а затем заворчала:

– Может быть, еще ванну и пуховики? Я постараюсь в самом непродолжительном времени прибить здесь вывеску и открою гостиницу для городских молодчиков, которые приходят к мамаше Джил за целебным снадобьем или предсказаньем, а потом смеясь подсматривают, как топят ведьму!

– Молчите, старуха, мы пришли от папистского столба. Поглядите-ка сюда, здесь нужна ваша помощь!

Только теперь старуха заметила третьего свидетеля их разговора, так как Брай положил Кэт на камень.

– От папистского столба? – сказала она. – А юный лорд помогал вам? Да благословит вас Бог, лорд, ты же, храбрый Брай, помоги мне снести бедняжку; она истекает кровью. И моя кровь тоже обагрила папистский столб, и вы, Брай, были единственным человеком, который заговорил со мной тогда, когда меня схватили. Проклятие городу, проклятие детям и детям детей! Да ну же, беритесь! Вы хотите, чтобы она истекла здесь кровью?

Старуха и Брай взяли на руки несчастную, и только теперь Сэррей заметил, что сзади широкого столба среди развалин виднелось отверстие. Когда же, следуя за старухой и Браем, он тоже спустился туда, то понял, что колдунья жила в уцелевших погребках старого развалившегося аббатства. Остальное он понял как из слов Джил, так и из висевших по стенам пучков трав и кореньев и расставленных бутылок, блестящих при свете масляной лампы.

Старуха положила больную на ложе из мха и поставила перед Уолтером кружку пива, чтобы он отдохнул за ней, пока она осмотрит раны больной и смажет их болеутоляющей мазью. Но Уолтер даже не дотронулся до кружки; он мрачно смотрел прямо перед собой и казался глубоко ушедшим в свои мысли.

Трудно сказать, только ли жажда мести терзала его душу. Как ликовало его сердце, когда он увидал башни Эдинбурга и Сэррей обещал ему завернуть в кабачок «Красный Дуглас»! Ему не приходилось изменять своим служебным обязанностям и оставлять Сэррея одного; он мог показать графу свою Кэт и распить с ним бутылочку за ее здоровье. Ведь они не видались несколько месяцев, но, когда он отправлялся на войну, она с преданностью и прямоотой посмотрела ему в глаза, обещая, что он, и никто другой, будет ее мужем! И вот он неожиданно вернулся... Где же застал он ее? У позорного столба мерзких девок, колдуний и папистов... Правда, если она была не виновна, то он мог отомстить за нее; но греза счастья все-таки навсегда скрылась от него, так как стоявшая у позорного столба девушка не могла стать его законной женой – иначе его прокляла бы старуха-мать. Ну а если Кэт была виновата? О, этого Брай почти желал, потому что было бы легче вонзить виновной нож в сердце и столкнуть вслед за всадниками в пропасть, чем покинуть невинную!

Ужасны были эти муки сомнения!..

Наконец Брай нетерпеливо топнул ногой и спросил:

– Она уже может говорить, мамаша Джил? Мне нужно побеседовать с нею!

– Неужели вы хотите мучить бедняжку? – воскликнула старуха. – Ей необходимы сон и покой, иначе слабый огонек ее жизни погаснет навсегда.

– Пусть гаснет, если она только скажет то, что нужно. Дайте ей такое средство, чтобы она собрала все свои силы на несколько минут, а потом пусть хоть умирает!..

– Разве вы для того спасали ее, чтобы убить? Если это ваша родственница, то не беспокойтесь – я буду ухаживать за ней и разделю с ней свой хлеб; если же она для вас посторонняя, то да благословит вас Господь вдвойне; но тогда вы имеете еще меньше права мучить ее.

– Мамаша Джил, она была моей невестой!

– Невестой? – вскрикнула старуха и посмотрела на Брая с скорбным участием. – Вашей невестой? Да, это другое дело! Но не будьте очень жестоки с ней, Брай! Бедный ребенок так юн и прекрасен!

Брай схватился руками за глаза и воскликнул:

– Не старайтесь смягчить меня, старуха! Дайте ей напиток, или я разбужу ее мечом!

Старуха опустила на колени около спавшей и влила ей в рот несколько капель. Последние оказали немедленное действие: Кэт судорожно вздрогнула, ее губы задрожали, кровь прилила к щекам, и она открыла глаза.

– Где я? – пробормотала она, оглядываясь по сторонам. – Или я видела все это во сне? О боже, это было ужасно! Коршуны... Однако где я? Что это?.. Уолтер, ты! О боже мой, значит, все это правда!..

– Да, все это правда, Кэт, – мрачно ответил стрелок, – и ты, быть может, уже через несколько секунд предстанешь перед Вечным Судьей. Так заклинаю тебя спасением твоей души, на которое ты надеешься, заклинаю любовью, в которой ты клялась мне, скажи, нарушила ли ты мне верность?

– И ты меня спрашиваешь об этом, Уолтер? Пресвятая Богородица, что же, я с ума сошла или вы все помешались? Именно потому, что я любила тебя, я и оттолкнула господина Штротмура, и только смеялась, когда он грозил мне. Я ведь никого не боялась, так как знала, что ты защитишь меня. Но все принялись со вчерашнего дня мучить меня; все говорили, что я лгу, что у меня имеется другой возлюбленный, кроме тебя. Тогда я поклялась, что дала тебе обет верности, и крестный подтвердил, но все остальные соорзили такие рожи, будто я сделала что-то нехорошее.

– Дальше, Кэт, дальше! – нетерпеливо крикнул Брай. – Тебя оклеветали?

– Должно быть, так, потому что сегодня под вечер пришел лэрд Бэкли, и, когда я цедила ему пиво, он хотел усадить меня на колени, а когда я обругала его за это, то он повел нехорошие речи и грозил...

– Что же он говорил?

Кэт потупившись ответила:

– Он говорил, что если я буду жеманиться, то окажусь дурой, что он подарит мне золотое кольцо, а это лучше, чем стоять у папистского столба!

– Он сказал это? – воскликнул Брай. – Что же ты ответила ему?

– Я ударила его по лицу, но он только расхохотался и хотел схватить меня; тогда я бросилась бежать, и так как в кабачке сидели дугласовские всадники, а крестный был на базаре, то я спаслась в маленькую дверцу, ведущую на чердак, и там заперлась. Но лэрд пробрался двором, так что я даже и не видала этого; я считала его пьяным и не предполагала, что он употребит насилие. Но не успела я захлопнуть большие ворота или позвать работников, как он вскочил ко мне.

– Дальше, Кэт, дальше! Он пустил насилие в ход?

– Нет, Уолтер, он высмеял меня, что я бежала от него, и шутил по этому поводу. Он уверял, что любит меня и хочет непременно ко мне посвататься. При этом он становился все навязчивее и не трогался моими просьбами. Я не смела кричать на помощь, потому что всадники застали бы нас и подумали бы бог знает что; я не могла и убежать, потому что лэрд крепко держал меня. Но я не боялась ничего дурного, потому что теперь он не грозил, а просил и

болтал всякую чушь, словно пьяный. Вдруг на дворе послышался шум. Меня звали, лэрд же сказал, что мы должны спрятаться, и я так и сделала, потому что вся дрожала от боязни, что Штротмур увидит меня с лэрдом Бэкли.

– Дальше, Кэт, дальше! Кончай!

– Они явились на сеновал, вырвали меня из сена, обругали и потащили на улицу.

– Ну а лэрд, Кэт?

– Он? Как ни в чем не бывало! Когда меня тащили на улицу и я клялась, что не виновата, то он рассмеялся и сказал: «Ну, вот видишь? К чему ты столько времени ломалась?» Затем он сел на лошадь и ускакал прочь, тогда как мне связали руки и ругали меня девкой.

– Кто это сделал, Кэт, кто?

– Все дугласовские всадники, особенно Штротмур. Он клялся, что я уже давно девка, а сегодня ему удалось, наконец, поймать меня с поличным. Он заявил, что в этом виноват ты, так как это ты обольстил меня.

– И никто не выступил на твою защиту, Кэт, никто? – воскликнул Брай.

– Да, крестный, когда он вернулся с базара. Он встретил меня, когда меня гнали по улице, хотел вступить, но его прогнали ударами плашмя и кричали, что он давно знал все.

– Тогда тебя привели к судье? Кто был этот судья, кто?

– Меня не приводили к судье!

– Нет? Не приводили? – мрачно пробормотал Брай. – Жалко, черт возьми, а то было бы одним больше...

– Меня выволокли на базар и там забросали грязью. Уличные мальчишки кричали: «К столбу ее! Топить ее!» – а народ кричал и ворчал. Никто не хотел слушать мои мольбы, меня потащили туда и... о боже! – Кэт вся задрожала при воспоминании. – Коршуны, коршуны!

Уолтер подошел к ее ложу.

– Заклинаю тебя твоим вечным блаженством, Кэт, – серьезно и торжественно сказал он, – повтори мне еще раз, что ты невиновна, а если ты солжешь, то да падет на твою голову проклятие за тех, кого я убью!

Девушка поклялась трясущимися губами и простерла вперед свои руки; казалось, что покров смерти уже надвигается на нее.

– Уолтер! – простонала она. – Уолтер!

Брай не трогался с места, а только мрачно и холодно смотрел на несчастную девушку, и его губы тихо пробормотали проклятие... Была ли это клятва мести или молитва? Вероятно, и то и другое.

– Она умирает! – вскрикнула старуха и оттолкнула его прочь. – Уходите! Вы узнали все, что же вам нужно еще, раз у вас нет никакого сострадания к несчастью? Неужели вы думаете, что аромат цветка может отравить ваше дыхание только потому, что его повредили нечестивые руки? Убирайтесь вон и думайте себе сколько хотите о мести и убийствах, только не омрачайте последних минут несчастной!

– Она умирает? – тихо спросил Брай, не решаясь поднять взор.

– Ведь я и раньше говорила вам... Теперь слишком поздно, и спасти ее нельзя!

– Да благословен будет Бог! Я не думал о спасении. Вот, мамаша Джил, – прибавил Брай, всовывая в ее руку золотой, – закажите обедню за упокой души Кэт, только под другим именем и там, где ее не знают... Ну, да вы уж знаете сами!

– Идите, идите! – нетерпеливо пробурчала старуха, выпроваживая гостя.

Роберт сунул старухе несколько золотых, и через несколько минут они оба были уже на конях и понеслись вскачь к ближайшей деревне, чтобы провести остаток ночи в местной харчевне.

Уже на другой день утром они продолжали свой путь по направлению к Инч-Магому и по дороге услышали новости, касающиеся их вчерашнего приключения. Им рассказывали, что

десять дугласовских всадников свалились в пропасть, а одного из них горный дух подстрелил стрелой из лука. Это мог быть только дух, так как ни одного живого существа там не оказалось. Правда, видели человеческую фигуру, но она была просто призраком, заманившим всадников, так как, когда они вздумали подъехать к этой фигуре, то свалились в пропасть, между тем внизу не нашли других трупов, кроме трупов дугласовских всадников. Самое же удивительное было то, что черт унес девку от папистского столба, вместо того чтобы, по обыкновению, оставить ее на добычу воронью.

Глава 4. Паж

I

Мы опередим всадников и проведем до их прибытия читателя в замок Инч-Магом.

Старое, похожее на крепость строение находилось, как мы уже упоминали, на маленьком острове посредине озера. Зубчатые стены, украшенные гербами шотландских королей, мрачно отражались в ясных водах; эта крепость казалась скорее тюрьмой, чем убежищем, и у каждого, смотревшего на тяжелые железные ворота, за которыми шотландцы прятали свою королеву, невольно тоскливо сжималось сердце.

Марию Стюарт называли пока еще принцессой, хотя корона досталась ей уже в колыбели, и для будущности несчастного ребенка едва ли могло бы быть более зловещее предзнаменование, чем печальная необходимость, заставлявшая ее опекунов перевозить ее из одного замка в другой, из Линлитау, где она родилась, в Стирлинг, а оттуда снова в Инч-Магом.

Королева-мать, Мария Лотарингская, называвшаяся также Мария Гиз, дала своей дочери в воспитатели лордов Эрскин и Ливингстон. Что же касается придворного штата, то таковой состоял из девиц знатнейших семейств страны, Флеминг, Сейтон, Ливингстон и Бэйтон, которых называли «четыре Марии», так как все они носили имя Мария.

Несколько дней тому назад в замок прибыл посетитель, которого впустили ночной порой и отвели в отдельную комнату, что возбудило любопытство не только всех четырех Марий, но и всей прислуги. Бойкая Сейтон пустилась подсматривать да подслушивать и рассказала подругам, что незнакомец очень хорошо одет и сам очень красив собой, что он, без всякого сомнения, иностранец, так как говорит только по-французски и не понял старого Драйбира, кастеляна замка, когда тот посетил его, чтобы спросить, достаточно ли удобно устроился гость. Самой же интересной новостью было сообщение, что незнакомец несколько часов просидел у королевы-матери, что во время их разговора неоднократно произносилось имя Марии и что, наконец, сегодня был отправлен с курьером толстый пакет на имя графа Аррана.

Все четыре девушки ломали себе голову, что нового может внести в их жизнь это посещение, не удастся ли наконец уехать из этого скучного замка и снова перебраться в Стирлинг или даже в Эдинбург, причем строились самые пышные воздушные замки. Вдруг послышались звуки большого рога, возвещавшие прибытие постороннего лица, и все четыре Марии бросились к окну, в полной уверенности, что это уже прибыл курьер с ответом, хотя он и отправился всего каких-нибудь два часа тому назад.

По озеру скользил маленький челнок и вскоре вернулся с двумя гостями, из которых один был одет в цвета графа Аррана, а другой, судя по одежде, был молодым дворянином.

Все четыре Марии, да и пятая, королева Шотландская, с разочарованием посмотрели друг на друга. Они ждали чего-нибудь более интересного, чем простого пажа, который был здесь ни к чему, так как здесь не занимались соколиной охотой, не ездили верхом кататься, да и никто даже не носил длинных шлейфов, чтобы пажу было что носить.

Во всякое другое время обитательницы Инч-Магома с радостью встретили бы нового товарища по несчастью, но сегодня он обманул слишком большие ожидания, так что не мог рассчитывать на милостивый прием. Казалось, что все соединилось здесь против Сэррея. Королева-мать вполголоса рассмеялась и насмешливо сказала:

– Графу, кажется, угодно шутить над нами, или он хочет напомнить нам о том времени, когда мы были окружены королевской свитой? Пусть наш духовник примет его посланцев, я не пушу его к себе на глаза.

– И мы тоже! – воскликнула одна из Марий, обращаясь к остальным, и Марии Сейтон было поручено передать прибывшим распоряжение королевы.

Мария Сейтон сияла прелестью шестнадцатой весны, и из ее прекрасных карих глаз сверкала самая веселая насмешливость. Она была самой старшей из подруг маленькой королевы, но там, где дело шло о веселой шутке, не она проповедовала рассудительность и осмотрительность. К тому же ее преданность королеве не имела границ. Это был какой-то сплошной поэтический восторг, обоготворение, и она очень серьезно смотрела на свои обязанности защищать интересы Марии Стюарт против всякого нарушения кем бы то ни было. Поэтому она не принадлежала ни к какой партии и не служила, в сущности, никому, кроме самой королевы, – ни королеве-матери, то есть французской партии, ни английской, которую представляли собою некоторые лэрды, ни дворянской, к которой принадлежали родственники самой Марии Сейтон и граф Арран. Все эти партии хотели решить участь маленькой королевы и склонить к себе сердце ребенка, чтобы впоследствии преследовать личные интересы. Но Мария умела изглаживать из души маленькой королевы каждое воздействие, неизменно повторяя ей:

– Тебя не стали бы держать словно узницу в четырех стенах, если бы каждая партия не хотела завладеть тем, что принадлежит тебе одной!

Мы не можем утверждать, что Мария Сейтон проводила в жизнь определенный, законченный план; она просто инстинктивно чувствовала, что Мария Стюарт нуждается в защите, и готова была пожертвовать своею жизнью, лишь бы иметь возможность охранить ее. Никто даже не подозревал, как сильна была эта преданность в легкомысленной на вид и веселой девушке, и королева-мать тем более доверяла ей и покровительствовала ее близости к дочери, что не подозревала о стремлениях Марии Сейтон влиять на юную королеву.

Читатель легко угадает, что прибывшие незнакомцы были Сэрреем и Браем.

Роберт был ослеплен веселым, светлым видом Марии Сейтон и почти не заметил, с какой насмешливой надменностью ответила она на его глубокий, почтительный поклон.

– Прекрасный господин! – заговорила она задорным, вызывающим тоном. – Ее величество королева-мать прислала меня сказать вашей милости, что она не может принять ваше посланничество и что с вас будет совершенно достаточно, если вы передадите духовнику о цели вашего приезда. Должна прибавить к тому же, что мне и всем остальным обитательницам замка очень больно, что мы не находим возможным встретить вас словами: «Добро пожаловать!»

В ее тоне была такая смесь самой злой иронии и грациозной ласковости, что Роберт не нашелся, что ответить. Зато Брай немедленно вывел его из затруднительного положения.

– Прекрасная девица, – сказал стрелок резким, повелительным тоном, – это я являюсь посланцем могущественного и благородного графа Аррана к королеве-матери. Будьте любезны передать ее величеству, что я послан не к духовнику и поэтому в случае, если не буду иметь честь принятым королевой, окажусь вынужденным вернуться обратно и доложить моему господину о таком приеме.

– А! – воскликнула Мария Сейтон. – Так посланец – вы, а этот молодой господин – только свита? Простите, господин стрелок, я немедленно передам слова вашего господина моей госпоже и прошу немного обождать здесь.

– Что за наглое создание! – пробормотал Брай, когда Мария скрылась в дверях, тогда как Роберт словно очарованный смотрел ей вслед. – Если она заставит нас прождать здесь слишком долго, то, я думаю, нам лучше всего будет вернуться обратно, чтобы она могла узнать, кто один имеет право приказывать во всей Шотландии!

Но, должно быть, королева-мать догадалась о настроении посланца, потому что Мария Сейтон вернулась очень быстро, чтобы позвать стрелка к королеве.

Но она не упустила при этом случая кинуть задорное замечание:

– Простите, стрелок, что я узнала в вас телохранителя регента сначала по тону, а уже потом по камзолу. Но это произошло потому, что мы сидим здесь словно арестанты, потому

что, несмотря на всех телохранителей и стрелков, королева не может безопасно переехать через озеро!

Брай не считал нужным отвечать ей, зато Роберт теперь обрел дар слова.

– Прекрасная девица! – сказал он. – Я рад узнать по вашему тону, как весело живут в этой тюрьме, а так как мне предстоит честь остаться здесь, то я вижу в этом немалое утешение.

– Вы собираетесь остаться здесь? – живо спросила Мария. – В качестве кого же? В качестве кастеляна замка или даже великого сенешаля? Пресвятая Дева! А мы даже не в полном парадном туалете, чтобы встретить вас!

Роберт не мог удержаться от смеха, хотя и чувствовал насмешку в ее словах, и это вызвало у Марии милостивый взгляд по его адресу.

– Ну! – улыбнулась она. – Я вижу, что мы с вами еще позабавимся. Вы, по крайней мере, не имеете такого мрачного вида, как этот почтенный гвардеец!

В тот же момент дверь открылась и на пороге появилась королева-мать, Мария Лотарингская.

Королева уже не была в расцвете молодости. Еще до того, как Иаков Пятый прибыл во Францию, чтобы просить ее руки, она уже была вдовой герцога Лонгвильского. Теперь на ней был двойной вдовый траур, но благородство черт ее лица, носившего, несмотря на мягкость, отпечаток жестокости, заменяло увядшую свежесть.

Мария Сейтон передала ей грубый ответ стрелка, и теперь краска гнева заливала ее лоб.

Стрелок не дал запугать себя строгим взглядом; ведь само появление королевы-матери давало ему достаточное доказательство тому, что она не осмелится выказать пренебрежение к его господину. Он поклонился королеве ровно настолько глубоко, насколько того требовали приличия, и непринужденно подошел вплотную к ней, тогда как Роберт почтительно остановился у дверей.

– Какое известие понадобилось графу Аррану передать мне, – спросила королева-мать, – раз он выбирает в свои посланцы даже не представителя знати?

– У графа нет ни свободного времени, ни охоты думать о таких мелочах, поэтому-то он и выбрал меня, – спокойно ответил Брай.

– самого наглого, какого только мог найти. Передай мне то, что поручено тебе!..

– С удовольствием, я и сам собирался сделать это! – раздраженно произнес Брай, причем сделал это самым небрежным образом. – Его светлость, граф, милостиво рекомендует вам пажа, которого он избрал для нашей обожаемой королевы, а вас настоятельным образом просит смотреть на Роберта Говарда, графа Сэррея, как на друга и любимца регента.

– И это все? – горько рассмеялась Мария Лотарингская. – Скажи регенту, что я исполню его просьбу, несмотря на все нахальство его посланца. Скажи кастеляну, чтобы он дал тебе выпить чего-нибудь и червонец за твои труды. В самом деле, ты не мог бы ревностнее исполнить возложенное на тебя поручение, если бы дело шло о судьбе Шотландии!

Сказав это, она знаком руки отпустила Брая. Но стрелок не повиновался этому приказанию.

– Ваше величество, – заявил он, – мое нахальство простирается и далее: я прошу вас оказать мне честь видеть мою королеву, чтобы передать ей почтительнейшую просьбу моего господина.

– Это совершенно ни к чему, я сама передам ей просьбу графа.

– Извините, ваше величество, граф поручил мне лично передать его слова королеве!

Мария Лотарингская до крови закусил губы. Это спокойное бесстыдство доводило ее до бешенства, так как она чувствовала свое бессилие. Господином положения был именно граф Арран, и его слуги давали ей понять, что королева не она, а ее дочь. С того момента, как после смерти своего супруга Мария Лотарингская напрасно домогалась регентства, она потеряла всякое влияние, так как победителем остался граф Арран, и парламент передал ему опеку

и регентство. Таким образом, каждый мальчишка в его армии знал, что королева завидовала его могуществу. Поэтому Марию Лотарингскую нисколько не удивило, что стрелок Аррана держался настолько дерзко, но ее гордость была оскорблена тем, что он умышленно смягчал тон и употреблял самые вежливые выражения, когда дело шло о ее дочери-королеве.

Королева-мать дала знать, и Мария Сейтон поняла язык ее глаз: она вышла, чтобы позвать Марию Стюарт.

– Стрелок! – сказала королева-мать. – Так как ты требуешь этого по поручению регента, то я попрошу сюда свою дочь, чтобы она своевременно узнала, что регент требует от нее послушания.

– Ваше величество, мой господин, граф, – самый верный слуга ее величества!

Мария Сейтон вернулась обратно и доложила:

– Ваше величество! Королева просит передать, что она не желает видеть этого посланца. Если графу Аррану нужно что-либо сказать ей, пусть он явится лично.

Мария Лотарингская с торжеством улыбнулась, но стрелок не позволил так просто отделаться от него – ведь было нетрудно догадаться, что эта фраза была придумана самой Марией Сейтон.

– Ваше величество! – сказал он. – Можете ли вы поручиться, что эта дама говорит правду и в точности передает слова королевы?

Вся кровь кинулась в голову гордой Сейтон при этом оскорблении, которое показалось ей тем тяжелее, что она сознавала свою вину.

Королева-мать на мгновение поколебалась в нерешительности, не зная, поручиться ли ей или еще раз унизиться. Но тут на сцену выступил Роберт Сэррей, бывший до того момента неммым свидетелем происходившего, и воскликнул:

– Уолтер Брай! Если вам нужно поручительство, то примите мою поруку! Я заявляю и готов подтвердить это мечом, что дама сказала правду!

Брай улыбнулся; казалось, что он давно уже ожидал вмешательства Роберта.

– Если дама примет ваше поручительство, – сказал он, – то я очень сожалею о необходимости передать регенту, что окружающие королеву лица враждебно настроены против него, потому что иначе ему не дали бы такого оскорбительного ответа.

Сказав это, он сухо поклонился и сделал вид, будто и в самом деле собирается удалиться.

И королева-мать, и Мария Сейтон отлично почувствовали, сколько угрозы заключалось в сказанных стрелком словах, и смущенно переглянулись. Но тут Роберт, заметивший их взгляд, быстро пришел к ним на помощь.

– Подождите-ка один момент, Брай! – крикнул он, а затем, подойдя к королеве-матери и преклонив колено, сказал: – Ваше величество! Быть может, вам удастся уговорить королеву все-таки принять этого воина, которому нужно только передать ее величеству уверения регента в преданности и представить ей меня!

Мария Лотарингская улыбнулась с удовлетворением, и теплый взгляд ее глаз был наградой Роберту за то, что он вывел ее из неприятного положения.

– Вежливую просьбу я всегда исполняю с удовольствием, – ответила она, – в особенности потому, что она служит мне порукой, что к моей дочери приблизятся подобающим образом. Мария Сейтон, передайте королеве, что я прошу ее принять посланца регента.

С этими словами она вышла из комнаты, бросив Сэррею столь же милостивый взгляд, насколько грозен был ее взгляд, предназначенный Уолтеру Браю.

– Скажите мне, Брай, – шепнул Роберт, как только они остались наедине, – вы с ума, что ли, сошли? Вы говорите с вдовствующей королевой таким тоном, словно состоите придворным наставником!

– Тсс! – шепотом ответил ему Брай. – Здесь и у стен имеются уши! Можете быть уверены, что я в точности исполняю данные мне инструкции, но меня очень порадовало, что вы в конце

концов потеряли терпение, так как это могло дать вам единственную возможность снискать здесь благоволение.

Роберт не успел ответить ему что-либо, так как их позвали к королеве.

Мария Стюарт, которой было в то время только шесть лет, была окружена своими фрейлинами и с большим достоинством сидела на кресле, спинка которого была украшена короной.

Брай опустился на колени перед ней и передал свое поручение в таких утонченных выражениях, которые доказывали, что по отношению вдовствующей королевы он умышленно выказал солдатскую резкость.

Во время его речи Мария Стюарт с любопытством посматривала своими хорошенькими детскими глазками на красивого пажа, когда же Брай кончил, она кинула, словно почти не слушала сказанных им слов:

– Передайте регенту мой привет и скажите ему, чтобы он сам заехал и навестил меня!

Затем она встала, ласковым кивком головы поздоровалась с Робертом Сэрреем и сделала рукой знак, означавший конец аудиенции, с такой важностью, словно она давала уже сотни таких аудиенций.

– Славно отделались! – улыбнулся Брай, когда они с Робертом прошли в приемную. – Ну, что же, у вас будет отличная дружба со всем этим бабьем!

– Ладно, смейтесь теперь, когда вы мне испортили прием!

Брай повел плечами и шепнул Роберту:

– Говоря между нами, мне кажется, что регент хочет вызвать разрыв, потому что он приказал мне быть таким грубым и резким, словно я попал в квартиру бунтовщиков. Но здесь не все ладно. Заметили ли вы, как вдовствующей королеве было тяжело подчиниться требованию регента и с каким трудом она подавляла гнев? Здесь что-то происходит, и если вы хотите удержать голову на плечах, то смотрите в оба!

Роберт удивленно посмотрел на стрелка и, улыбнувшись, произнес:

– Неужели вам кажется непонятным, что королева может требовать больше вежливости и почтительности, чем проявили по отношению к ней вы?

– Ба! Она сама вызвала меня на это, а ведь она знала, что я явился от имени графа Аррана. Прежде, в Стирлинге, она приказывала страже делать на караул, когда являлся гонец от графа, и приглашала его к столу. Я остаюсь при своем мнении, что бабье затеяло здесь какую-то интригу. Но пусть они все поберегутся здесь! Регент не станет шутить с теми, кто замышляет предательство или измену!

Среди такого разговора они дошли до прихожей. Духовник уже поджидал их там и пригласил Брая освежиться чем-нибудь прохладительным. Но стрелок отказался, заявив, что должен немедленно отправиться обратно.

Сэррей проводил его до лодки. На прощание стрелок еще раз повторил свое предупреждение и затем так сердечно поблагодарил Роберта за оказанную ему в пути помощь, что Сэррей простился с ним как с братом.

– Можете рассчитывать на меня, если вам когда-нибудь понадобится верный друг в нужде или опасности, – сказал стрелок. – Если же вы встретите лэрда Бэкли, то дайте мне знать, но поберегите его для меня, иначе я возненавижу вас, если вы украдете у меня мою месть! Впрочем, что я болтаю! Здесь попадется разве какая-нибудь заблудившаяся ласточка. Так прощайте же, сэр, и еще раз повторяю вам: смотрите, чтобы женская хитрость не обманула вашего честного сердца. Граф полагается на вас!

Они еще раз пожали друг другу руки, и челнок отчалил.

II

Когда Роберт обернулся наконец, то увидел в окне Марию Сейтон, которая, покраснев, отскочила от окна.

Она следила за ним. Было ли то знаком особого интереса к нему или простого любопытства? Подозрительно, во всяком случае, было то, что она покраснела, когда увидела, что ее заметили.

– Что за бойкая, хорошенькая девушка! – сказал кастелян Сэррею. – Но расскажите же мне бога ради, как это регенту могло прийти в голову послать вас сюда? Вы, должно быть, натворили чего-нибудь, если он наказывает вас скукой?

Роберт дал уклончивые объяснения, потому что пытливость взглядов старика доказывала, что этот вопрос вызван злобным недоверием. Он попросил, чтобы ему указали комнату, так как он устал и хочет отдохнуть.

Кастелян пришел в явное замешательство, хотя вопрос и казался в высшей степени естественным.

– Да, да! – сказал он. – Конечно, вам нужна комната... Но пока что вы можете поселиться у меня, пока я не приготовлю вам таковой.

– Ну, это только стеснило бы меня и вас. Дайте мне первую попавшуюся; вот, например, там кто живет?

Роберт случайно указал на флигель, приготовленный для таинственного незнакомца, и кастелян пришел в такое смущение при этом вопросе, что Роберт невольно подумал о предупреждениях стрелка.

– Там водятся привидения! – сказал кастелян после короткой паузы.

– Привидения? – спросил Роберт. – А, в таком случае здесь можно встретиться с приключениями. Я не ожидал этого!

Старик недовольно поглядывал на него.

– Господин паж, – сказал он укоризненным голосом, – возможно, что вам приснилось, будто здесь можно пережить какие бы то ни было приключения, но вы ошибаетесь в этом. Здесь все и каждый живут по строгим правилам, предписанным регентом ради безопасности замка. В девять часов вечера запираются внутренние ворота, а наружные – уже с наступлением сумерек. Никто не смеет уехать с острова без разрешения вдовствующей королевы, у меня находятся ключи к замкам, которыми заперты кольца цепей, удерживающих челноки. Таким образом, если вы помышляете о приключениях, то таковых вам придется искать на том берегу или, по крайней мере, за стенами внешних укреплений. Только боюсь, что в лучшем случае вы найдете там пару крыс!..

– Я говорил относительно того привидения, о котором вы только что упоминали.

– Я ничего не знаю ни о каком привидении, сэр. Я просто сказал, что в этом флигеле не все ладно; если хотите, когда-нибудь за кружкой вина я расскажу вам эту историю.

– Да, но пока что отведите мне комнату в заколдованном флигеле.

– Это я не смею делать, да и не сделаю, так как грех испытывать Господа. Однако вот звонит колокол, призывающий к столу. Вам пора отправиться к месту служения.

– А что мне делать?

Старик повел плечами.

– Если вы сами этого не знаете, – ответил он, – то я знаю еще меньше.

Сэррею начинало казаться, что в его новом местопребывании гораздо скучнее, чем он это думал прежде. Когда он появился в большом зале к столу, то все лишь с любопытством и насмешкой поглядывали на него; он сам чувствовал, что он лишний здесь, и его недовольство

возросло до крайней степени, когда он услышал, что в этом зале обедает только дворцовая челядь, тогда как августейшие хозяева только что кончили обедать.

Сэррей потребовал, чтобы его проводили к вдовствующей королеве. Ему ответили, что в это время она никого не принимает. Сэррей спросил, не может ли он поговорить с королевой, но ответом ему было то, что она никого не принимает без присутствия матери. Сэррей хотел поговорить хоть с кем-нибудь из фрейлин, но вошедший как раз в этот момент духовник, улыбаясь, заявил ему:

– Они все у королевы!

– Так что же, к черту, делать мне здесь! – воскликнул Сэррей, нетерпеливо топнув ногой об пол.

Духовник повел плечами, как сделал это перед тем кастелян, но не ответил ни слова.

Это окончательно вывело Сэррея из себя. Он подошел к кастеляну, сидевшему во главе стола, и попросил у него, чтобы тот уделил ему несколько секунд внимания.

– После обеда! – ответил кастелян, даже не обернувшись в его сторону.

Сэррей хлопнул его рукой по плечу и крикнул:

– Встать, сейчас же! С меня довольно всех этих фокусов! Сейчас же доложите обо мне королеве и скажите ей, что я прошу или обходиться со мной соответственно моему рангу, или отпустить меня!

Кастелян не ожидал подобной выходки, а так как гордое, угрожающее выражение лица юноши доказывало ему, что тот пойдет в этот момент на все, он встал; но глаза его метнули взгляд смертельной ненависти, когда он сказал:

– Господин паж, я пойду к королеве, но только затем, чтобы спросить ее, обязан ли я повиноваться какому-то пажу, и если да, так пусть она снимет с меня мою должность и вручит ее тому, кому будет охота подвергать себя дерзостям первого встречного английского...

Последнее слово он проглотил, так как Сэррей схватился за меч.

– Поглядите-ка, – обратился кастелян к духовнику и дворцовой челяди, – господин паж изволит грозить мечом в резиденции королевы! В мое время всякий, кто обнажал в королевском замке меч, лишался правой руки, которую ему отрубал палач.

– А в наше время, – возразил ему Сэррей, – каждый лишится головы, кто осмелится выместить свою злобу на регента на том, кого регент почтил своими поручениями!

– Довольно ссориться! – вмешался духовник, сделав кастеляну знак подавить в себе желание ответить резкостью. – Господин паж! Может быть, вы и правы, но вам все-таки следовало бы с большим уважением относиться к старости. Вы же должны были бы быть поумнее и не раздраживать из пустяков вспыльчивости молодого человека. Позднее я сам буду у вдовствующей королевы и расскажу ей, что видел и слышал здесь.

При этом он выразительно посмотрел на кастеляна, и Сэррей, поймавший этот взгляд, убедился, что духовник будет говорить далеко не в его пользу. Но это несколько не обеспокоило его. Самое худшее, что могло с ним случиться, это увольнение из замка, а теперь он желал этого, пожалуй, гораздо больше, чем исполнения прежнего желания служить королеве, так как тот факт, что его не пригласили к столу, ясно показывал, насколько его только терпели, не думая быть с ним приветливым, как он рассчитывал.

В досаде Роберт отошел к окну и стал там поджидать возвращения кастеляна. Его взор случайно упал на флигель дворца, про который кастелян говорил, будто там не чисто и водятся привидения, и вдруг ему показалось, будто одна из тяжелых шелковых гардин зашевелилась.

Так как окна были заперты, то это движение могло произойти только благодаря сквозняку от открытых дверей.

Флигель, примыкавший к правому углу замка, непосредственно соединялся с покоями вдовствующей королевы. Роберт скользнул взором по веренице окон и в одном из них, выходящем на угол, заметил две быстро промелькнувшие тени.

Если во всякое другое время такое наблюдение показалось бы ему неважным, то тем большую важность он придал ему в данный момент, когда в его мозгу пронеслись всякие подозрительные мысли. Замешательство кастеляна, когда Роберт попросил у него комнату во флигеле, было совершенно очевидным, так как ему должно было быть совершенно безразлично, станут или нет тревожить Сэррея привидения.

Манера, которой встретила вдовствующая королева графского посланца, и ее стремление избежать открытого разрыва, точно так же доказывали неопределенность ее положения, что само по себе вызывало сомнения. А тот факт, что его, Роберта, не пригласили к столу, мог означать собою только желание обсудить за обедом кое-какие вопросы, которые нельзя было затрагивать в его присутствии.

«Ладно же! – подумал Сэррей. – Во мне боятся врага, шпиона графа Аррана. Сегодня, когда мне приходится принять определенное заключение, могущее быть даже и решающим на всю жизнь, в зависимости от того, под чьи знамена я склонюсь, – сегодня мне открыто показывают недоверие и оскорбительное невнимание, даже не дав себе труда испытать меня!.. Так пусть же узнают, что мной не приходится пренебрегать как другом, а как врага следует бояться! По крайней мере, этой красивой, веселой девушке не придется высмеивать меня!»

О, он не подозревал, что как раз в тот момент, когда он давал таким образом исход оскорбленному самолюбию, Мария Сейтон была единственным человеком, который говорил в его пользу, и если бы он только мог слышать ее слова, то с пламенным воодушевлением поклялся бы, что употребит все усилия стать достойным заступничества этих прекрасных уст и оправдать оказанное ему доверие!

Когда кастелян вошел в комнату королевы, то застал там фрейлин за веселой болтовней и шутками. Веселая игра была прервана; в первый раз с тех пор, как королевская семья жила в Инч-Магоме, кастелян явился с жалобой и торжественно испрашивал аудиенции у королевы. Мария Флеминг отправилась к вдовствующей королеве, а кастелян стал с гневом рассказывать маленькой королеве и ее фрейлинам, как дерзкий дворянчик потребовал его к ответу по поводу того, что его не пригласили к королевскому столу, как он приказал ему встать со стула и взялся за меч, когда он стал уверять юношу, что он здесь ни при чем. Мария Сейтон расхохоталась и хотела обратить все это в шутку, но маленькая королева почувствовала себя оскорбленной в своем достоинстве и обещала кастеляну, что он получит законное удовлетворение.

В этот момент дверь открылась, и появилась королева-мать.

Мария Лотарингская заставила кастеляна повторить ей все то, что она уже слыхала от духовника. Ее лицо было очень серьезно, и по ней было видно, насколько она была возбуждена.

– Вы были сегодня свидетельницами, – обратилась она к фрейлинам, когда кастелян кончил свой рассказ, – с каким бесстыдством этот подлый мужик позволил себе показать мне, что я, мать королевы, лишена всякой власти. Паж, которого нам послал регент, был вежливее, но этим он только доказал свой ум, так как он просто хотел вкрасься к нам в доверие, чтобы лучше шпионить. Регент догадывается, что я не могу больше выносить такое невозможное положение и оглядываюсь во все стороны, не найду ли где-нибудь поддержки, с помощью которой смогу выйти из него. Я убеждена, что моя дочь считает меня своей лучшей советницей, поэтому я и предприняла некоторые шаги. И если последние даже и не дадут нам никаких результатов, то ей от этого не будет хуже; если же задуманное удастся мне, то она навсегда избежит тирании регента. Быть сообщницами моих планов очень опасно, и я хотела сначала скрыть их от вас, но прибытие этого шпиона заставляет меня посвятить в них и вас. Могу ли я рассчитывать на вашу преданность и верность королеве?

Все четыре Марии принялись горячо уверять, что они только и желают того, чтобы иметь возможность на деле доказать свою преданность.

– Хорошо же, – продолжала вдовствующая королева. – Так слушайте! Я заявила регенту, что здоровье королевы требует перемены климата. Регент не воспротивился открыто тому,

чтобы в случае необходимости двор королевы переехал во Францию, но он медлит с этим и будет медлить, сколько ему окажется возможным. Я имею основание предполагать, что он хочет просто выждать время, когда победы англичан сделают невозможным бегство королевы. Вполне в его интересах держать нас как можно долее в этом погребе, где королева не осмеливается противоречить ему и указать ему границы. Я снова повторила свое представление, но тем временем вступила в непосредственные переговоры с французами. Сюда во дворец тайно прибыл доверенный моего брата, герцога Гиза, и если от регента последует уклончивый ответ, то в мои планы входит устроить бегство дочери помимо его разрешения. Появление здесь этого пажа весьма подозрительно. Совершенно ясно, что он должен просто наблюдать за всем происходящим; регент не хочет возбудить нашу подозрительность, так как иначе он послал бы кого-нибудь позначительнее. Но все поведение этого пажа ясно доказывает, что он опирается на поддержку. Очень может быть, что на том берегу озера сосредоточены графские войска, которые немедленно примчатся сюда по его вызову. Вот почему нам приходится торопиться с приведением нашего плана в исполнение, ранее того, как шпион заподозрит, что у нас что-то затевается. Мария, скажи мне, доверяешь ли ты своей матери и готова ли ты сегодня же ночью бежать отсюда со мной?

Девочка схватила руку матери и поцеловала ее. Фрейлины разразились криками радости; уже от мысли переменить скучную жизнь в Инч-Магоме на блестящий праздник парижского двора их глаза засверкали радостью, и они заявили, что готовы на все.

Вдовствующая королева засмеялась довольным смехом, хотя, правду сказать, и не ожидала ничего другого. Она открыла дверь, и появился элегантный мужчина в французской одежде. В сопровождении духовника он подошел к королеве и склонил колени перед Марией Стюарт.

– Это – граф Монтгомери, посланник дофина Франции, – сказала дочери Мария Лотарингская. – Он приносит тебе уверения в преданности своего повелителя.

Мария Стюарт протянула графу свою крошечную ручку. Тот поднес ее к своим губам, а затем встал и поклонился всем прочим дамам.

– Как вы думаете, граф, – начала вдовствующая королева, – могли бы мы уже сегодня решиться на побег?

– Ваше величество! Мой двоюродный брат, Андре Монталамбер, барон д'Эссе, находится с многочисленным флотом и десантом в заливе Форт. Стоит только королеве вступить на французский корабль, как она станет французской принцессой крови, и миллионы людей будут готовы встать на ее защиту. Но бегство до моря мало еще подготовлено, так что я не могу ни за что поручиться.

– Но ведь вы слышали, граф, что регент навязал нам наблюдателя, и можно ожидать, что он примет меры, которые сделают бегство невозможным, если только мы разбудим его подозрения. Сегодня бегство еще может быть осуществимо, а через несколько дней оно может стать невозможным!

– Ваше величество! Я готов рискнуть на все, но не могу ни за что поручиться – вот каков был смысл моих слов. Если бы я смел дать вам совет, то рекомендовал бы вам под каким-нибудь предлогом арестовать шпиона, пока я съезжу в Дэмбертон и приведу с собой надежных людей!

– Ну, а если тем временем от регента прибудет новый гонец? Если этот паж заподозрит что-либо?

– Ваше величество! – вставил свое слово кастелян. – Да он уже, очевидно, заподозрил что-то. Он потребовал, чтобы я отвел ему комнату во флигеле, куда мы поместили его сиятельство, графа Монтгомери. Если бы я смел дать вам совет...

– Ну? – спросила вдовствующая королева, когда кастелян запнулся.

– Ваше величество! Ведь дело идет о счастье королевы, а в сравнении с этим жизнь какого-то англичанина представляется слишком незначительной. Позвольте мне арестовать его; тогда я буду в состоянии поручиться, что он не предаст нас никогда!

– Убийство? – ужаснулась Мария Сейтон, тогда как королева-мать, казалось, взвешивала предложение. – Ваше величество, мне кажется, такого ужасного средства совершенно не понадобится. Правда, прибытие сюда пажа очень подозрительно, но ведь он так молод, почти мальчик, и было бы очень нелестно для нас, если бы мы, четыре девушки, не сумели шутя перехитрить его. Разве вы не обратили внимания, как он вспыхнул гневом, когда стрелок оскорбил меня? Мне пришлось перекинуться с ним лишь несколькими словами, но я убеждена, что это честный, порядочный человек!

– Мария Сейтон воображает, будто покорила его сердце! – саркастически улыбнулась вдовствующая королева. – Средство, предлагаемое нам кастеляном, кажется мне куда вернее. Что вы скажете об этом, ваше преподобие? – обратилась она к духовнику. – Разве можно назвать убийством, когда насилием отражаешь насилие?

– Ваше величество! – ответил священник. – Очень многим людям предназначено умереть во имя счастья королей. Кто хочет остановить колесо событий, тот разрывается им на куски. Не напрасно вручен меч начальствующим лицам, а поднявший меч от меча и погибнет. Он взялся за меч, вы же представляете здесь начальствующее лицо, поставленное самим Богом, и единственное ваше слово может стать его карающим роком!

– Прикажите людям вооружиться, кастелян! – приказала Мария Лотарингская.

Но Мария Сейтон бросилась к ее ногам и принялась умолять:

– Ваше величество! Не выносите такого поспешного приговора! Ведь я была его обвинительницей; я рассказала вам, как сердечно он пожимал на прощанье руку тому самому стрелку, которого перед тем чуть не вызвал на дуэль. Я пробудила недоверие к нему, и я одна буду виновата в его смерти! Мария, – обратилась она к королеве, – попросите хоть вы за меня, если вы любите меня! Не позволяйте оросить путь вашего спасения невинной кровью!

– Ну конечно, к чему ему умирать! – воскликнула Мария Стюарт. – Ведь он такой хорошенький!

– И очень возможно, что он держал себя так вызывающе только потому, что в нем заговорила оскорбленная детская гордость! – вмешался в разговор также и Монтгомери. – Я вполне разделяю взгляд юной леди и думаю, что было бы гораздо лучше связать его взглядом прекрасных глаз, чем цепями. Ведь прекрасные глаза могут сделать что угодно с молодым сердцем!

Мария Сейтон стыдливо покраснела. Она, быть может, только в этот момент почувствовала, какую жертву приносит Сэррею тем, что, отдавшись благородному порыву, просит оставить ему жизнь.

– Хорошо, я уступаю! – раздраженно ответила вдовствующая королева. – Я не знала, что этот паж так быстро завоеует здесь сердца. Но можете ли вы поручиться мне, леди Сейтон, за него?

– Ваше величество! Как же я могла бы сделать это?

– Граф Монтгомери дал вам намек, как это сделать, если вы сами действительно не знаете этого! – с горьким сарказмом ответила ей вдовствующая королева. – Но так как возможно, что прекрасные глаза переоценивают могущество своих чар, то я, со своей стороны, могу только рекомендовать вам, кастелян, величайшую осторожность.

Мария Сейтон поднялась с колен и с горделивым сознанием своего достоинства и вся красная от гнева произнесла:

– Ваше величество! Мне кажется, что меня не так поняли здесь; но если дело касается услуги королеве, то я не вижу никакого стыда в том, чтобы разыграть роль кокетки. Я согласна поручиться за нового пажа, так как убеждена, что он слишком безвредная личность. Но при этом я должна просить об одном, что мне кажется существенно необходимым. Вы требуете,

чтобы я пощекотала его честолюбие; но для того, чтобы это могло удалиться, никто не должен оскорблять его самолюбие, так как это могло бы только разрушить всякое действие моего обращения с ним. Мне кажется, что будет очень веселой и забавной игрой одурачить его благодаря его же собственному тщеславию. Он все еще ждет ответа и удовлетворения; так я прошу, чтобы его не раздражали более.

– План очень хорош! – рассмеялся Монтгомери. – Назначьте его комендантом дворца, ваше величество, самым первым придворным лицом при королеве, начальником ваших десяти солдат. Это раздует его гордость, а несколько сладких взглядов прекрасной леди погрузят его в сладчайшие сны. Я же тем временем понесусь в Дэмбертон и приведу с собой оттуда подмогу.

Вдовствующая королева принужденно улыбнулась. Гордой представительнице рода Гизов не нравилось соединять такое важное дело с шуткой, но ей пришлось уступить.

– Ну, так позовите его сюда, кастелян! – сказала она. – Вы же, граф, воспользуйтесь этой ночью и поезжайте с богом!

– Ваше величество! – тихо сказал кастелян, когда граф простился с вдовствующей королевой. – Неужели вы серьезно хотите, чтобы паж оставался на свободе? Тогда я прошу освободить меня от моих обязанностей, прежде чем позовут его сюда!

– Вы дурак, Драйбир! – шепнула ему Мария Лотарингская. – Если я и требую, чтобы вы перенесли оскорбление от этого молокососа, то ведь этим еще не говорю вам, чтобы вы отказывались от мести. Верные слуги действуют не спрашиваясь!

Кастелян склонился перед королевой и вышел из комнаты, причем Мария Сейтон отлично заметила, какая злобная улыбка исказила его черты.

III

Тем временем Роберт Сэррей почти потерял всякое терпение. Когда наконец кастелян вернулся и с глубоким поклоном заявил, что вдовствующая королева ждет его, то под маской преувеличенной вежливости Роберт инстинктивно угадал лицемерие.

– Вы очень переменялись, сэр! – сказал он. – Если вы получили выговор, то мне это очень прискорбно. На честный гнев я отвечаю тем же, но доносчиком я никогда не был!

Сказав это, он протянул старику руку.

Но тот не взял ее и ответил только поклоном.

– Значит, враги? – раздраженно улыбнулся Сэррей и зашагал вперед.

– Боже упаси меня быть врагом такого высокого барина, как вы! – ответил кастелян. – Я – ваш слуга, только слуга.

Когда Роберт вошел в покои королевы, то ему тоже пришлось обратить внимание на перемену в обращении, которая поразила его уже у кастеляна. При его входе фрейлины поднялись с мест, однако в той почести заключалось что-то до того неуловимо насмешливое, что он покраснел.

– Граф! – сказала вдовствующая королева. – Простите, что мы не оказали вам того внимания, которое должны были бы проявить, как к человеку, находящемуся под особым покровительством регента. Но то, что он увеличивает наш придворный штат, представляется необычайной и неожиданной внимательностью с его стороны, к которой мы, к сожалению, совершенно не были подготовлены. Кастелян отведет вам комнату, какую вы только пожелаете. Вам предоставляется полная свобода появляться за нашим столом и оказывать королеве пажеские услуги, когда вам это заблагорассудится, так как мы не решимся распоряжаться тем, кто получил от регента непосредственные приказания.

Разумеется, ничего не могло быть более уничтожающего и оскорбительного для молодого человека, как получить подобный ответ на свой надменный дебаш. Все его желания спешили исполнить и шли даже гораздо дальше, так как вдовствующая королева предоставляла ему

самому назначить, какую именно службу хотел бы он нести. Это было издевательством или злобным недоверием, которое исходило как раз от тех, кому он хотел посвятить всю свою жизнь до последней капли крови!

Сэррей хотел ответить, но Мария Лотарингская так гордо и высокомерно дала понять, что аудиенция окончена и он отпускается, что весь красный от стыда Роберт глубоко поклонился ей и с болью в сердце вышел из комнаты.

– Какую комнату прикажете приготовить вам, ваша милость? – спросил кастелян, тогда как из комнаты донеслось тихое фырканье.

– Какую хотите. На эту ночь достаточно будет охапки соломы.

– Я прикажу приготовить для вас парадные комнаты правого флигеля, если вы действительно не боитесь привидений!

Сэррей ничего не ответил; он кивнул в знак согласия головой, даже не разобрав как следует, что спрашивал кастелян. Ему хотелось поскорее выйти на воздух, так как бешенство и стыд переполняли его душу.

Сначала пренебрежение, затем злобное издевательство – так вот какой прием ждал его в Инч-Магоме!

А как должны были смеяться красивые глазки Сейтон над тем, что мальчишка потребовал удовлетворения от королевы!..

Роберту прямо-таки хотелось плакать – до такой степени сжималось его сердце при мысли о том, что все его сладкие грезы разлетелись, словно дым, что разбились все его гордые надежды! Жаждающее доверия сердце встретили подозрительностью и сверху вниз окинули его насмешливым взглядом...

Сэррей бросился на прибрежный дерн у озера и принялся смотреть на голубые волны. Быть здесь замурованным среди людей, которые его высмеяли, тогда как оттуда, с другого берега, ему улыбалась свобода! Но что же мешало ему броситься туда, ринуться в воду, переплыть на тот берег и поискать счастья где-нибудь в другом месте на свете?

Правда, он дал графу Аррану слово, что будет верным слугой королеве. Но стать мишенью насмешек ее придворных дам...

– Нет, нет! – вырвалось у него вслух. – Лучше стать простым рабочим в клане какого-либо лэрда, чем быть здесь шутком насмешливых баб!

Вдруг Сэррея пробудил от этих мыслей какой-то шум. Он обернулся и увидел, что перед ним была Мария Сейтон.

Юноша вскочил и в стыде и смущении потупился, догадавшись, что она подстерегла его возглас. Однако во взгляде молодой фрейлины теперь не было ни малейшей насмешки. Ей достаточно было только взглянуть на него, чтобы отгадать, что он пережил.

– Роберт Говард! – шепнула она. – Ведь вы не предатель?

Сэррей посмотрел на нее и вдруг почувствовал себя во власти этого нежного голоса и взгляда этих прекрасных глаз, которые смотрели на него хотя и испытующе, но с полным доверием...

Он схватил Марию за руку и сказал взволнованным, дрожащим голосом:

– Леди! Вы будете для меня спасительным ангелом, если хоть немного проникнетесь доверием ко мне, так как тогда я вновь обрету надежду. Да, да, я хотел нарушить данное слово и бросить этот замок, так как чувствовал, что меня считают здесь негодяем. Но чем же я заслужил те издеательства, которыми меня здесь встретили?

Мария тихонько выдернула у него свою руку, но горячность сказанных им слов и мучительная правдивость его упреков так потрясли ее, что она забыла ту роль, которую собралась разыграть. И она заговорила с ним с такой же откровенностью.

– Роберт Говард, я была виновата в том, что вам не доверяют, да и вы сами тоже! Вы видели, с какой вызывающей дерзостью стрелок обращался к вдовствующей королеве; одно

мгновение казалось, что вы, взбешенный этим, хотите встать на сторону слабейших. Но через несколько минут я видела, что вы шли по берегу под руку с этим бессовестным. Так разве не должны мы были подумать, что вы остались с нами только для того, чтобы еще хуже оскорбить королеву, чем это сделал наглый солдат, что вы своим оружием избираете не откровенную резкость, а предательскую маску преданности?

– Клянусь Богом, – ответил Роберт, – я не понимаю этого, если только вы не хотите сказать этим, что граф Арран – враг вдовствующей королевы. Придумывать ловушки? Приготовлять новые оскорбления? Леди, будьте добры, объясните мне все это! Я, разумеется, заметил, что граф страшно ревниво жаждет быть первым слугой королевы и боится, как бы королева-мать не измыслила каких-нибудь честолюбивых планов; забываясь об этом, он и обходится с ней слишком необдуманно. Но, клянусь честью, я не стал бы служить ему, если бы сомневался, что он – человек чести и верен своей королеве!

– Вы сами высказали то, что хотите узнать от меня, – улыбнулась Мария. – Честолюбие графа совершенно противоположно по интересам честолюбию вдовствующей королевы. Таким образом, самое важное заключается в том, чтобы отдать отчет, чьи планы принесут королеве больше пользы. Поэтому-то мы и предпочитаем королеву-мать регенту.

– Это я понимаю. Но разве в силу этого так необходимо, чтобы он стал действовать предательским образом, чтобы его слуг третировали, как негодяев?

– Этого никто не делал, Сэррей!

– Нет, леди, такое холодное, колкое издевательство является просто презрением. Но я еще не дал вам ответа на ваш упрек. Леди! Мой брат, благородный граф Сэррей, был убит Генрихом Восьмым, так как не потерпел позора своего герба. С помощью графа Уорвика я ускользнул от мести убийцы, и граф дал мне рекомендацию к регенту Джеймсу Гамильтону графу Аррану. Он подал мне руку помощи и взял к себе на службу. Я не давал ему никаких других обещаний, кроме обещания честно служить королеве и не изменять его доверию. Если бы он потребовал от меня, чтобы я играл здесь сомнительную роль, я стал бы искать другого убежища. Я надеялся, что буду в силах посвятить всю свою жизнь службе властительнице, которая преследует убийцу Екатерины Говард; я вложил в эту надежду все свое честолюбие, и что же я вижу? – меня встречают как врага, как шпиона! Вы упрекаете меня в том, что я сердечно простился со стрелком. Ну, что же, я доверю вам секрет, который принадлежит ему. Его невесту тяжело оскорбили, и я помог ему отомстить за нее. Общая опасность, которой мы подверглись, сблизила нас; я узнал храбрость и благородство мыслей этого человека; постигшее его несчастье пробудило во мне участие к нему. Я пошел против него, чтобы помешать ему оскорбить вас, я потребовал от него объяснений, и мне пришлось замолчать, когда он ответил мне, что только следовал данным ему инструкциям, позволив себе держать себя настолько вызывающим образом. Должен ли я был упрекать его в том, что лежало на совести графа? Дал ли мне кто-нибудь из вас право указать ему границы? Разве не подчинилась вдовствующая королева требованиям стрелка? Леди, все это казалось мне хотя и необъяснимым, но еще недостаточным для того, чтобы порвать дружбу с человеком, сердце которого истекало кровью и который держал себя так дерзко не из злобности или надменности, а только в силу полученных им инструкций. Согласен, что я не принял бы на себя подобного поручения, если бы оно было дано мне вчера, но сегодня – другое дело!

– Значит, сегодня вы могли бы так же грубо обойтись с беззащитными женщинами?

– Леди, женщины уже не беззащитны, раз издевательство служит им оружием.

– Что же делать, если граф Арран не оставил нам ничего другого!

– Вы хотите сказать: вдовствующей королеве, леди? Но ведь граф – регент государства и является ответственным за безопасность королевы. Говорят, будто в полном ходу какие-то хитрые интриги, целью которых является выдача королевы Марии Стюарт англичанам или французам. Это делается якобы для того, чтобы королева-мать Мария Лотарингская могла

получить регентство, так как жажда власти настолько сильна в ней, что она не остановится даже перед счастьем дочери, только бы вырвать власть из рук графа Аррана!

– Точно так же, как и, наоборот, сам граф не побрезгует никакими средствами, чтобы удержать эту власть в своих руках! – подхватила Мария Сейтон. – Я вижу, что мы с вами не придем к соглашению: вы служите графу, я же – королеве-матери. Мы – враги; вы присоединяетесь к сильнейшей партии!

– Леди, я принадлежу к ней только в силу взятых на себя обязательств. Если бы, например, сегодня я мог выбирать, то, быть может, в партии королевы-матери для меня был бы более притягательный пункт, чем тот, который может разбудить самое смелое честолюбие!

– Теперь уже поздно, – улыбнулась Мария, слегка покраснев под пламенными взглядами юноши. – Но я довольна уже и тем, что вы хотите быть открытым, честным врагом. Правда, вам благодаря этому придется лишиться некоторых незначительных развлечений, которые при других обстоятельствах вы могли бы найти в общении с моими подругами. Ведь нам надо быть осторожными, нам нужно хорошенько беречь от вас свои тайны, чтобы вы не выдали их графу Аррану. Мы не покажем вам, как мы занимаемся вышиванием и вязанием, так как вы можете подумать, что мы плетем сети интриг; мы должны будем остерегаться говорить при вас по-французски, так как вы можете заподозрить здесь измену. Нам придется вести себя в высшей степени прилично и важно; когда вы будете появляться у нас, то нам придется воздержаться тогда от шуток и смеха. Таким образом, в Инч-Магоме станет еще скучнее, чем прежде, потому что вдобавок к этим ужасным стенам, стеснявшим нас, к нам прибыл еще и наблюдатель, который будет следить за нами!

Сэррей был очарован этой любезной веселостью; но он был слишком умен, чтобы не разгадать под легким поддразнивающим тоном обмана.

– Леди, – сказал он, – если бы я имел поручительство, исходящее из таких прекрасных, как ваши, губок, в том, что здесь не куют интриг против регента, то этот наблюдатель превратился бы в самого добродушного паж, который был бы счастлив стать мишенью насмешек прелестных фрейлин!

– Ага! – засмеялась Мария. – Вы собираетесь вступить в переговоры? Нет! – воскликнула она с кокетливым поклоном; последний должен был быть шутивным, но от Роберта не ускользнул недоверчивый взгляд, с которым она смотрела на него в этот момент. – Нет, вы объявили нам войну, и поэтому мы только тогда можем вступить в переговоры, когда кто-нибудь из нас победит. Но я хочу только дать вам добрый совет. Вы оскорбили кастеляна замка. Будьте осторожны, это очень хитрый человек.

– Благодарю вас за предупреждение. Но еще раз, кроме всяких шуток, позвольте мне вступить с вами в переговоры еще до начала войны. Ведь я был бы неутешен, если бы мне пришлось оказаться победителем и вы рассердились бы на меня за это!

– Тогда заранее сдавайтесь, господин паж!

– Этого я не смею!

– Ладно же, господин паж, мы тоже очень упрямы, но менее, чем вы. Желая вам веселиться побольше! Мне нужно идти к королеве, так как темнеет, ну, а вы, наверное, захотите осмотреть валы и ворота. Смотрите повнимательнее, не роем ли мы где-нибудь подкопов и не подпиливаем ли где-нибудь решеток!

Мария, смеясь, простилась с Робертом и исчезла в воротах, которые вели во внутреннюю часть замка.

Глава 5. Мария лотарингская

I

Кастелян отвел пажу комнаты, находившиеся в том самом флигеле, где, как он уверял, водились привидения. Окна комнат находились в десяти футах от земли и были, как и большинство окон в замке, защищены железными решетками. Когда Роберт, вскоре после того, как расстался с Марией Сейтон, явился в свою комнату, то слуга кастеляна принес ему кружку сваренного на кореньях вина, так называемого ночного напитка, а затем, поставив на дубовый стол тяжелые серебряные подсвечники со свечами, спросил, не будет ли еще каких-либо приказаний. Сэррей отпустил слугу, заметив при этом, что он сильно устал. Затем он задернул занавеси на окнах, словно собираясь ложиться спать, погасил через несколько минут свечи, после чего, сменив тяжелые ботфорты на шелковые ночные туфли, подошел к окну и раздвинул гардины настолько, чтобы иметь возможность заглянуть сквозь них. Какое-то предчувствие говорило ему, что, быть может, уже сегодня произойдет что-либо и что именно в эту ночь, когда все будут думать, что он захочет отдохнуть с дороги, ему представится возможность разузнать, что обозначает собою это привидение во флигеле замка.

Его окна выходили во внутренний дворик, и через них он мог видеть окна королевской комнаты, где он был сегодня. Был вечер, но все-таки комнаты не были освещены. Ворота были заперты, и казалось, что замок словно вымер.

Такая тишина в столь ранний час казалась зловещей и странной.

Сэррей взял свою шпагу, засунул за пояс кинжал и тихо отворил дверь в прихожую, собираясь сделать обход, чтобы выяснить, что замышлялось под покровом этой тишины. Он прислушался и выглянул в дверь коридора. Однако и здесь царил та же тишина. Тогда Роберт тихо открыл дверь, бесшумно выскользнул на цыпочках, тихонько спустился по лестнице и вышел на двор.

Там он сделал несколько шагов, прячась в тени от стены, и потом осмотрелся по сторонам.

Комнаты флигеля, находившиеся над его комнатами, были ярко освещены, и луч света проникал сквозь спущенные тяжелые гардины окон.

Это удивило Сэррея; ведь кастелян уверял, что в этом флигеле никто не живет!..

Вдруг Роберт увидел, что мимо него проскользнули две фигуры, и он был убежден, что то были духовник и какой-то другой мужчина. Значит, там происходило что-то, что хотели скрыть от него!

С сильно бьющимся сердцем Сэррей проскользнул обратно в дом, бесшумно поднялся по лестнице, попал в коридор и на мгновение остановился здесь, прислушиваясь.

Наверху открылась дверь.

Роберт спрятался в нишу под лестницей и прислушался. Какой-то мужчина осторожно спускался по лестнице, подошел на цыпочках к двери комнаты, где он помещался, и запер ее, а затем вернулся и тихо поднялся опять по лестнице.

Роберт подумал: «Значит, вы, голубчики, думаете, что заперли меня? Как бы не так! Но очевидно, что здесь замышляется измена!»

Роберт последовал за мужчиной, и когда последний добрался до верхней ступеньки, то услышал тихий смех, по которому сейчас же узнал Марию Сейтон.

Роберт приложил ухо к двери комнаты, откуда доносился смех.

– Нет, это великолепно! – промолвила Мария Сейтон. – Я боюсь только одного, что он совсем не проснется и мы напрасно оденемся в эти саваны. Но какая отличная комедия получится, когда храбрый молодец будет рваться к решеткам и не сможет выбраться из комнаты, чтобы совершить геройские деяния! Но обещайте мне, кастелян, что тогда, когда челнок счастливо переберется через озеро, вы позволите нам шуметь, словно настал час Страшного Суда. А когда он выбьется из сил в желании взломать дверь и начнет кричать и ругаться в окно, тогда вы тихо отопрете дверь и дадите ему возможность приступить к погоне за привидениями. Ведь он не знает ни ходов, ни ковровых дверей. Мы уж помучаем его досыта! Если он примется догонять меня, тогда Флеминг начнет высмеивать его, а если он станет преследовать Марию Бейтон, то замогильный голос Ливингстон примется вышучивать его.

– А в конце концов мы устроим так, чтобы он свалился в погреб; пусть постынет там до завтрашнего утра! – засмеялась Флеминг.

– Мы же примемся танцевать наверху танец привидений! – фыркнула Сейтон.

– Глупые девочки! – сказала вдовствующая королева. – Я не хочу вам портить шутку над этим высокомерным мальчишкой, но смотрите не браните меня потом, если она вызовет серьезные последствия. Если этот кичливый паж заподозрит что-либо, то не останется больше ничего иного, как заставить его онеметь навсегда, так как Арран скоро разгадает нашу игру!

– Ваше величество! – возразила ей Мария Сейтон. – Право же, он совсем не так плох. Если бы он не был связан своим словом быть верным графу, он был бы для нас самым потешным и добродушным оруженосцем на свете!

– Мария Сейтон с такой теплотой говорит о паже, – строго промолвила вдовствующая королева, – что я начинаю подозревать, не дорожит ли она гораздо больше его жизнью, чем благом моей дочери.

– Ваше величество! Как истинная Сейтон, клянусь вам! Я отношусь к нему сочувственно только потому что верю, что это вполне заслужено им. Но я не остановилась бы перед тем, чтобы воткнуть ему кинжал в самое сердце своей рукой, если бы он служил помехой к спасению королевы. Но в то же время я искренне признаюсь, что мне причинило бы большое горе, если бы ему причинили бесполезное зло!

Услышав эти слова, Сэррей почувствовал лихорадочное сердцебиение. Стыд и гнев заставили в нем вскипеть всю кровь, когда девушки стали с иронией смеяться над тем, как одурачат его. Теперь же другие чувства болезненно закрались к нему в сердце.

Эта милая девушка могла бы любить его, а ему придется только восстановить ее против себя, если он будет исполнять то, что предписывает ему его долг. Но вместе с тем решительный момент может наступить с часу на час, а ведь он может помешать бегству королевы, он должен сделать это, если не желает стать изменником данному слову!.. Но ведь если он сделает это, Мария Сейтон возненавидит его!

– Пора! – раздался из комнаты голос вдовствующей королевы. – Дрейбир, проводите графа и откройте ему ворота! На всякий случай велите завесить окна снаружи, чтобы тот ничего не увидел, в случае если он все-таки будет подглядывать или проснется от шума. Ты же, Мария...

Дальнейшие слова Сэррей не мог слышать, так как голос вдовствующей королевы понизился до глухого шепота.

Роберт перевел дух. Значит, возможно, что сегодня предполагалось только выпустить иностранца из замка, но о бегстве королевы пока еще не думали. Он услышал тихое побрякивание оружия – значит, там готовились в крайнем случае пустить в ход насилие. Было вне всякого сомнения, что гарнизон замка подкуплен королевой-матерью, так как иначе им не могло бы удалиться проведение намеченного плана. Но в этом Роберт хотел лично удостовериться.

Он торопливо поднялся по лестнице еще выше, прошел во второй этаж и нашел там лестницу, ведущую на зубцы замка. Там он увидел часового-стрелка, лежавшего на сигнальной пушке, которой можно было поднять тревогу.

Часовой спал. Сэррей потряс его за плечо, но даже и тогда, когда Роберт толкнул его, так что стрелок скатился с пушки, тот все-таки не проснулся. Значит, часового усыпили каким-нибудь снадобьем!..

Роберт осмотрел пушку и убедился, что она заряжена. Значит, было вполне в его власти в крайнем случае поднять тревогу в замке и в окрестностях.

Он снова скользнул вниз. В коридоре все было тихо. Роберт тихонько открыл дверь, у которой только что подслушивал, и увидел вдовствующую королеву, стоявшую у открытого окна. Она следила оттуда, удастся ли затеянное, и не заметила, как Роберт бесшумно скользнул к другому окну, чтобы заняться тем же делом.

Он смотрел на внутренний двор и увидел кастеляна, который выпускал из ворот какого-то мужчину. Королевы с ними не было. Перед дверью выстроилась толпа каких-то фигур, закутанных в белые покрывала.

Сэррей снова выскользнул за дверь. Когда он спустился по лестнице, которая вела во двор, то по ней поднималась как раз одна из этих белых фигур. Было настолько темно, что она не могла его узнать, но все-таки заметила его.

– Все удалось, – зашептал милый голосок Марии Сейтон, – паж спит, как сурок. Но теперь мы разбудим его, даже если он отведал сонного напитка.

– Ни звука или я все выдам, Мария Сейтон! – шепнул ей Роберт, хватая ее за руку, а другой зажимая ей рот. – Следуйте за мной, если вам дорога жизнь, или произойдет большое несчастье!

– Говард! – пробормотала фрейлина, и он почувствовал, как девушка задрожала от испуга.

– Лучше добровольно следуйте за мной, – шепнул он, – клянусь Богом, это лучшее, что вы можете сделать.

– Куда? – дрожа спросила Мария, тогда как он увлекал ее за собой.

– На зубцы замка. Я хочу посмотреть, кому это дают бежать. Лучше я соглашусь пустить челнок ко дну, чем стать бесчестным!

– Вы с ума сошли, Сэррей! Королева спит в постели!

– Увидим! Насилие против насилия, хитрость против хитрости!

Они добрались до зубцов. Сэррей запер дверь и задвинул железный засов.

– Теперь, – сказал он, – победитель – я! Я не только не попал в погреб, но стою около заряженной сигнальной пушки. Кроме того, здесь у меня арбалет часового, а стреляю я метко... Говорите же мне теперь, кто это бежит отсюда?

Мария покраснела, как рак, когда услышала, что он подслушал ее слова.

– Делайте, что хотите, – сказала она, кидая на него взгляд, полный холодного презрения. – Вы подслушивали, вы – пронырливый человек, и я ненавижу вас, как злейшего врага!

Сэррей подошел к брустверу и посмотрел вниз. Челнок отвязали от причала, но туда никто не сел, кроме какого-то мужчины и лодочника.

Роберт вернулся к Марии и сказал:

– Леди! Если я разряжу пушку, то часовой там, снаружи, созовет весь гарнизон и поднимет тревогу в деревне. Беглеца поймают, будет произведено расследование, и я вынужден буду стать обвинителем тех, кого вы любите. Даже против вас мне придется свидетельствовать. Поклянись мне, что отныне вы будете предупреждать всякую интригу и откроете мне каждую тайну, касающуюся королевы. Тогда я готов ничего не видеть сегодня и верить вам одной свою честь.

– Я не могу, я не хочу этого! – воскликнула фрейлина, вся красная от злости. – Ну что же, стреляйте из пушки, и все благородные шотландские сердца проклянут вас!

– Леди! – воскликнул Сэррей. – Если бы вы намеревались честно поступить со мной, то не потерпели бы, чтобы издевались над обманутым. Ведь вы же знаете, что я своей честью поручился быть настороже. Можно было обмануть меня, можно было за моей спиной смеяться над спящим, но вы хотели обречь меня издевательствам. А теперь взвешивайте, честный я враг? Я вступлю в переговоры, не выжидая победы. Согласны вы или нет?

– Нет, нет и нет!

Сэррей подошел к пушке и схватил запальник. Этого Мария не ожидала. Она торопливо подбежала к нему и крикнула:

– Роберт Сэррей! Вы хотите не исполнить свой долг, а отомстить мне! Ну что же! Убивайте меня, потому что клянусь Богом, что вместе с сигнальным выстрелом пушки я брошусь отсюда в озеро. Я не смею жить, когда всем будет известно, что глупость Марии Сейтон погубила королеву!

Сказав это, девушка подошла к брустверу.

Выражение ее лица дышало такой решимостью, что Роберт задрожал и, отбрасывая запальник, шепнул:

– Мария! Можете торжествовать: Роберт Сэррей жертвует вам своей честью!

Он обнажил шпагу и наступил на нее ногой, чтобы сломать ее.

Но фрейлина подбежала к нему и шепнула ему со слезами на глазах:

– Роберт Говард, вы правы! Я постыдно поступила против вас, но я имела в виду просто забавную шутку и не думала, что это так болезненно обидит вас. Клянусь вам всем, что мне свято: королева должна узнать, каким благородством полны ваши мысли. И клянусь вам, что до тех пор, пока я нахожусь в этом замке, я никогда не буду замысливать измену.

Сэррей схватил ее за руку и, покрывая поцелуями, произнес:

– Мария, этого довольно, но я чувствую, что требую от вас нарушения обязанностей вашей чести ради моей. Вы хотите остаться верной, а несчастная судьба заставила нас служить разным господам. Но можно еще как-нибудь выйти из этого положения, – перебил он вдруг сам себя, и его лицо просияло. – Я выстрелю из пушки, когда будет уже слишком поздно, чтобы догнать беглеца!

– Но этим вы вызовете расследование, которое даст регенту основание разлучить королеву с матерью! Нет, Сэррей, лучше мне умереть. Доверьтесь мне, доверьтесь благородству вдовствующей королевы, которая будет обязана вам бесконечной благодарностью, если вы пощадите ее на этот раз!

Роберт задумался на минуту.

– Хорошо, я последую вашему совету, – сказал он после короткой паузы. – Я рискую многим, доверяясь таким образом, но надеждой мне будет служить то, что я заслужу этим сладкую награду!

Мария выдернула от него свою руку. Этот тон привел ее в себя и напомнил ей, что она с ним наедине. Она вздрогнула при мысли, что ее могли уже хватиться.

– Пустите меня! – взмолилась она. – Пустите меня!

– Я не пушу вас ранее того, как услышу, что вы простили меня, Мария! О, вы обязаны еще отплатить мне за ту ужасную шутку, которую задумали со мной!

– Роберт Говард, ввиду намеченной вами цели я прощаю то насилие, к которому вы прибегли, но теперь требую, чтобы вы исполнили мое желание!

Он отодвинул задвижку и, открыв дверь, тихо сказал:

– Вы свободны! Могу ли я надеяться на приветливое слово от вас?

Мария быстро исчезла, не дав ему никакого ответа.

– А что, если она все-таки лицемерит! – пробормотал про себя Сэррей. – Ведь это она хотела посмеяться надо мной, обманутым всеми ими!

Он спустился по лестнице, и уже издали до него донесся шум, которым веселые дамы думали разбудить мнимоспящего.

Достигнув двери, у которой он недавно подслушивал, Роберт на мгновение призадумался, предоставить ли Марии Сейтон сообщить обо всем случившемся вдовствующей королеве или сделать это самому. В конце концов он решился на последнее и открыл дверь.

Королева-мать сидела за столом с духовником, и оба они казались очень веселыми; но едва они увидели Сэррея, как священник побледнел, а Мария Лотарингская, пораженная, вскочила со стула, словно перед ней появилось привидение.

– Ваше величество, прошу простить меня, если я помешал, – произнес Роберт, – но здесь разыгрывается маскарад, а я присвоил себе другую роль, чем та, которая предназначалась мне.

– Вы не в своей комнате? Где вы были? – проговорила королева дрожащим голосом, с гневом сверкающими глазами.

– На башне дворца, ваше величество. Я видел спящего сторожа и плывущую по озеру лодку.

– Это невозможно, вы бредите!

– Ваше величество, виденное мною так мало походило на бред, что я хотел даже произвести выстрел из пушки, чтобы поднять тревогу. Но затем я подумал, что, быть может, вы сами, ваше величество, отправили куда-либо своего посланца, и пришел спросить, не ошибся ли я?

– Я? Нет!.. Быть может, это сделал кастелян?

– Ваше величество, в таком случае он поступил самовольно, и я прошу о строгом расследовании.

– Граф Сэррей! Да разве регент поручил вам служить мне советником?

– Нет, ваше величество, но мне дано поручение наблюдать за безопасностью юной королевы и уведомить регента, если бы у меня явилось подозрение, что кто-либо из живущих в этом замке не заслуживает доверия, оказанного ему графом.

Пока он еще говорил, в комнату вошла Мария Сейтон и шепнула королеве несколько слов, заставивших ту побледнеть; это было сообщение о том, что Сэррея все известно. Но Мария Лотарингская была не из тех женщин, которая задрожала бы перед опасностью; за мгновенным испугом у нее тотчас же созревало решение. Черты ее лица стали мрачны и угрожающи, гордость возмутилась при мысли, что она, королева, должна дрожать перед пажом и вступать с ним в переговоры.

– Граф Сэррей, – сказала она с самой ядовитой иронией, – весьма возможно, что регент пожелал позабавиться насчет вашего честолюбия, но эта шутка переходит границы моего терпения. Все, что вы наблюдали здесь, произошло по моему приказанию! Желаю вам спокойной ночи!

Вся кровь бросилась в голову Сэррея; он увидел, как, пожимая плечами, засмеялся духовник, как по губам Марии Сейтон скользнула легкая улыбка.

– Ваше величество, – сказал он, склоняясь перед вдовствующей королевой, – в таком случае прошу отдать приказ, чтобы и в мое распоряжение была предоставлена лодка.

Королева-мать призадумалась на мгновение, и внимательный наблюдатель мог бы прочесть на ее лице, что принятым ею решением был смертный приговор.

В это время на пороге появился уже вернувшийся кастелян. Мария Лотарингская увидела его и глазами дала знак, на который тот ответил злорадной усмешкой.

– Следуйте за кастеляном! – ответила она Сэррею. – Ему уже отданы распоряжения.

Сэррей поклонился и вышел из комнаты. Несмотря на все его старания, ему не удалось уловить взор Марии Сейтон, так как ее лицо, с выражением смертельного страха, было обращено в сторону королевы-матери. Сэррей не подозревал в этом волнении заботу о его жизни;

он полагал, что Марию страшит необдуманный шаг королевы, решившейся отпустить его, и, раздумывая над этим, медленно последовал за кастеляном через галерею замка.

II

Дрейбир уже знал, что все раскрыто, так как он встретил Марию Сейтон, прежде чем та вошла к королеве, и тотчас же принял меры к исполнению приказаний ее величества.

В то мгновение, когда Роберт достиг лестницы, он вдруг был схвачен сзади, на его шею была накинута петля, туго стянувшая ему горло, а в рот ему сунули кляп; затем его связали и две сильные руки подняли его и потащили в нижние помещения замка.

Гнилой, сырой воздух охватил Роберта, и он тотчас же услышал скрип железной двери и голос Дрейбира, со злобным смехом отдававшего приказания:

– Прямо туда, там он будет у нас сразу же на месте!.. Только возьмите крепкие цепи! Это опасный малый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.